

ЛѢСНОЕ ДѢЛО.

Нужны-ли намъ таксаторы и нужно-ли намъ лѣсоустройство?

Въ настоящее время лѣсной мірокъ нашъ живо заинтересованъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ — быть или не быть таксаторамъ, нужны-ли эти «спеціальные агенты» для производства лѣсоустроительныхъ работъ, или же возможно обойтись и безъ ихъ услугъ, возложивъ дѣло лѣсоустройства на чиновъ мѣстнаго лѣснаго управленія? Въ качествѣ стараго таксатора, считаю своею нравственною обязанностью высказать по этому поводу нѣсколько замѣчаній, основываясь на многолѣтнемъ опытѣ и нѣкоторомъ знакомствѣ съ условіями нашего лѣснаго дѣла.

Институтъ таксаторовъ возникъ одновременно съ лѣсоустройствомъ, т.-е. въ сороковыхъ годахъ. Полвѣка назадъ, мѣстная лѣсная администрація состояла почти исключительно изъ бывшихъ военныхъ всѣхъ родовъ оружія, не имѣвшихъ никакого представленія о лѣсной наукѣ. Само собою разумѣется, что тогдашніе лѣсничіе, ревизоры и губернскіе лѣсничіе, при всемъ ихъ добромъ желаніи, не въ силахъ были производить лѣсоустроительныя работы, которыя поэтому и пришлось возложить на особыхъ лицъ съ спеціальнымъ образованіемъ и поставить ихъ притомъ въ положеніе, совершенно независимое отъ мѣстныхъ чиновъ-неспеціалистовъ. Такое привилегированное положеніе *первыхъ* таксаторовъ имѣло ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ то, что въ таксаторы стали стремиться всѣ наиболѣе способные и дѣльные молодые люди, окончившіе лѣсной институтъ и званіе таксатора, въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, сдѣлалось званіемъ самымъ почетнымъ въ лѣсномъ мірѣ. Всѣ наши корифеи—первые сѣятели русскаго лѣснаго дѣла—были и верѣдко оставались таксаторами лучшіе годы своей жизни, не смотря на сравнительную скудость матеріальнаго обезпеченія. Попасть въ число таксаторовъ со школьной скамьи считалось великою честью; самое лучшее лѣсничество, съ перспективой всевозможныхъ матеріальныхъ удобствъ, не могло соблазнить тогдашнихъ юношей-спеціалистовъ отказаться отъ таксаторскаго званія. И надо сказать правду, тогдашніе таксаторы высоко держали знамя не только своей науки, но и личнаго достоинства и были безусловно свободны отъ упрековъ въ соприкосновеніи съ тою административною неправдою и кривдою, которая царствовала въ то время не-

только въ лѣсномъ дѣлѣ, но и во всей почти чиновничьей Руси. Таксаторы сказанной эпохи были по истинѣ «лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ», были единственными носителями лѣсохозяйственныхъ знаній и идеи долга и общаго блага, и эту роль призналъ за ними торжественно такой проницательный, суровый и нелицепріятный государственный человѣкъ, какъ графъ М. Н. Муравьевъ.

Но графъ Муравьевъ, сдѣлавшись министромъ государственныхъ имуществъ, отдавая должную дань институту таксаторовъ, невольно содѣйствовалъ разрушенію послѣдняго, назначивъ опытнѣйшихъ таксаторовъ на административныя должности. Преемникъ его—А. А. Зеленый слѣдовалъ той же системѣ и въ концѣ концовъ «институтъ», лишившись своихъ лучшихъ членовъ, сталъ пополняться исключительно молодежью, которая не обладала ни опытностью, ни авторитетомъ прежнихъ таксаторовъ. Чтобы поддержать, такъ сказать, на должной высотѣ технику лѣсоустройства, которая очутилась вдругъ въ рукахъ совершенно неопытныхъ новичковъ, Министерство вынуждено было создать новыя должности—ревизоровъ лѣсоустройства (въ 1864 г.); подчиненность же таксаторовъ мѣстнымъ палатамъ государственныхъ имуществъ была установлена еще раньше, въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Мало-по-малу, «институтъ» утрачивалъ свой прежній характеръ и значеніе и званіе таксатора сдѣлалось лишь переходною ступенью къ административнымъ должностямъ. Къ несчастью, регрессивное движеніе не остановилось на этомъ. Наступило время, когда званіе таксатора явилось уже не только преддверіемъ служебной карьеры, но и, такъ сказать, усыпальницей этой карьеры. Рядомъ съ безбородыми юнцами, едва сошедшими со школьной скамьи, въ званіи таксаторовъ очутились инвалиды, убѣленные сѣдинами, надломленные нравственно и физически; первые вступали на таксаторское поприще, ничему еще не научившись, послѣдніе—все уже позабывши, чему нѣкогда учились. Между тѣмъ, институтъ таксаторовъ, ухудшаясь въ качественномъ отношеніи, количественно развивался съ каждымъ годомъ, въ особенности съ открытіемъ обширныхъ работъ по выдачѣ государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей. Эти работы не требовали никакихъ почти техническихъ знаній, а потому комплектованіе таксационныхъ партій не представляло ни малѣйшихъ затрудненій, по пословицѣ «что мнѣ не гоже, то Тебѣ, Боже!..» Спускаясь по наклонной плоскости, институтъ таксаторовъ въ началѣ семидесятихъ годовъ не имѣлъ уже ничего общаго съ «институтомъ» пятидесятихъ годовъ или, вѣрнѣе, его уже вовсе не было, а была только кличка таксаторовъ, не дѣлавшая большой чести ея носителямъ.

Параллельно съ уничиженіемъ—если такъ можно выразиться,—таксаторскаго званія, шло вспять и лѣсоустройство и вообще вся лѣсная наука, оказавшаяся вдругъ совершенно ненужной. Какъ извѣстно, это отрицаніе техническихъ знаній въ лѣсномъ дѣлѣ достигло своего апогея въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и привело, между прочимъ, къ тому, что $\frac{2}{3}$ чиновъ корпуса лѣсничихъ оказались «домашняго воспитанія». Само собою разумѣется, о лѣсномъ хозяйствѣ не было и помину; отъ лѣсничихъ требовалось лишь одно: беречь лѣсъ отъ порубокъ и выручать какъ можно больше дохода. Лѣсоустройство упрощено было *до-нельзя* и заключалось лишь въ «приблизительной» съемкѣ, въ «приблизительномъ» описаніи и въ отводѣ, по «приблизительному» разсчету, на 10 лѣтъ, такихъ лѣсосѣкъ, отъ продажи коихъ можно бы было выручить какъ можно больше денегъ, денегъ и денегъ. При такой «упрощенной» постановкѣ лѣснаго дѣла, никакихъ техническихъ знаній дѣйствительно не требовалось и лица съ «домашнимъ воспитаніемъ» могли съ полнымъ успѣхомъ исполнять обязанности не только лѣсничихъ, но и таксаторовъ. Но положеніе послѣднихъ умалилось уже до такой степени, во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ, что званіе таксатора стало исключительно удѣломъ неудачниковъ-спеціалистовъ. Да и лѣсоустроительныя работы, хотя бы въ упрощенномъ видѣ, прекратились почти повсемѣстно, за исключеніемъ очень немногихъ наиболее важныхъ дачъ, и таксаціонныя партіи функционировали лишь «по выдачѣ владѣнныхъ записей», гдѣ таксаторовъ, въ сущности, могли замѣнить съ успѣхомъ и нерѣдко замѣняли *de facto* полуграмотные межевщики.

Спасительная реакція противъ такого порядка вещей наступила въ половинѣ семидесятыхъ годовъ и совпала съ назначеніемъ на постъ министра государственныхъ имуществъ графа П. А. Валуева. Лѣсная техника снова пріобрѣла право гражданства, была признана въ высшихъ административныхъ сферахъ, а приливъ свѣжихъ дѣятелей изъ Петровской академіи и изъ вновь воскресшаго Лѣснаго института далъ возможность произвести радикальную «про-чистку» личнаго состава. Реакція въ пользу лѣсной техники дѣлала такіе быстрые успѣхи, что, въ 1878 году, приступлено было, въ видѣ опыта, къ производству грандіозныхъ лѣсоустроительныхъ работъ въ Петербургской и Московской губерніяхъ, подъ главнымъ руководствомъ профессоровъ, съ примѣненіемъ самыхъ точныхъ геодезическихъ и таксаціонныхъ пріемовъ, представлявшихъ послѣднее слово европейской лѣсной науки. Грандіозный опытъ этотъ, къ сожалѣнію, не увѣнчался успѣхомъ и не разрѣшилъ вопроса о томъ,

какую систему лѣсоустройства и какой способъ производства таксаціонныхъ работъ цѣлесообразнѣе всего было бы примѣнить въ нашихъ лѣсахъ. Тѣмъ не менѣе, толчокъ, данный этимъ опытомъ дѣлу лѣсоустройства, не пропалъ совершенно даромъ и оказалъ нѣкоторое вліяніе на послѣдующія лѣсоустроительныя инструкціи, главная особенность коихъ заключается въ попыткахъ соединить научные принципы съ упрощеннымъ до послѣднихъ границъ способомъ производства работъ.

Что касается собственно до института таксаторовъ, то этотъ послѣдній очень мало перемѣнился къ лучшему, и если не являлся въ такой степени, какъ прежде, «усыпальницей» служебной карьеры, то оставался и остается по днесъ лишь преддверіемъ служебной карьеры, въ которомъ никто не охочъ долго останавливаться. Старыхъ таксаторовъ, посвятившихъ всю жизнь дѣлу лѣсоустройства—можно перечесть по пальцамъ; но зато много такихъ, облеченныхъ этимъ званіемъ, которые никогда никакими лѣсоустроительными работами не занимались. Если молодежь, впрочемъ, не добивается нынѣ таксаторскаго званія, какъ таковаго, и считаетъ таксаторскія должности только переходною ступенью въ своей служебной карьерѣ, то это объясняется прежде всего крайне скуднымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ таксаторовъ, въ связи со многими губельными неблагоприятными условіями, сопряженными съ таксаторскою дѣятельностью. Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе младшаго таксатора таково, что имъ можетъ довольствоваться лишь юноша, въ первые 3—4 года службы; если же онъ достигнетъ званія старшаго таксатора (что въ порядкѣ постепенности можетъ быть достигнуто не очень скоро), то и въ такомъ случаѣ онъ въ состояніи будетъ существовать безъ нужды только лично самъ, не смѣя думать даже о домашнемъ очагѣ, оставаясь всю жизнь бездомнымъ скитальцемъ, вѣчной богемой. Немудрено, слѣдовательно, если нынѣшніе таксаторы—случайные и временные члены «института»—не отдаются всецѣло своей профессіи, не разрабатываютъ науку лѣсоустройства, не производятъ самостоятельныхъ изслѣдованій и т. д., однимъ словомъ, если они, какъ говорится, «не стоятъ на высотѣ положенія». Если нельзя предъявлять сколько-нибудь серьезныхъ требованій къ молодымъ, начинающимъ таксаторамъ, всѣ помыслы коихъ направлены къ одной цѣли, какъ бы поскорѣе перейти таксаторскій «искусъ» и заполучить обезпеченное постоянное мѣсто, то еще менѣе основанія предъявлять таковыя требованія къ таксаторамъ «отживающимъ», думающимъ только о кускѣ насущнаго хлѣба, для которыхъ лѣсоустройство пред-

ставляетъ столько же интереса, сколько судьба египетскихъ фараоновъ XX-й династїи.

Изъ приведенныхъ строкъ явствуетъ, что какъ наше лѣсоустройство, такъ и институтъ таксаторовъ подвергались всевозможнымъ пертурбаціямъ, при чемъ этотъ послѣдній измѣнилъ совершенно и, повидимому, безповоротно свой первоначальный характеръ. Положа руку на сердце, надо признать, что «институтъ», въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ настоящее время, дѣйствительно не имѣетъ никакого значенія для русскаго лѣсоустройства, а потому на вопросъ, поставленный въ заглавіи этой статьи, — нужны-ли намъ таксаторы? — я по совѣсти долженъ отвѣтить *отрицательно*. Институтъ таксаторовъ, *въ настоящемъ его видѣ*, — есть ненужная, лишняя роскошь, не заслуживающая никакихъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства; я утверждаю это тѣмъ съ большею смѣлостью, что самъ имѣю честь состоять членомъ означеннаго института. Функціи нынѣшнихъ таксаторовъ могутъ отправлять, съ отмѣннымъ успѣхомъ, всѣ остальные чины лѣснаго вѣдомства, до помощника лѣсничаго включительно, такъ какъ, по своимъ техническимъ познаніямъ, опытности и даже по личному влеченію къ дѣлу лѣсоустройства, они ничуть не отличаются отъ «случайныхъ и временныхъ» таксаторовъ, которые сдѣлались таковыми со вчерашняго дня и не будутъ ими завтра. На какую бы отрасль лѣснаго дѣла ни были обращены деньги, затрачиваемыя нынѣ на институтъ таксаторовъ, будь то на увеличеніе числа лѣсничествъ, на культуру, на лѣсныя работы и проч., можно сказать безъ преувеличенія, что онѣ (деньги) принесутъ въ десять разъ больше пользы, чѣмъ теперь. Случаи производства лѣсоустроительныхъ работъ мѣстными лѣсными чинами практиковались нерѣдко, и мы не имѣемъ доказательствъ, чтобы эти работы были хуже работъ таксаторовъ *ex officio*. Слѣдовательно, со стороны *качества* лѣсоустроительныхъ работъ, разумѣется въ смыслѣ относительномъ, опасности никакой не предвидится; опасность можетъ угрожать лишь со стороны *количества* сихъ работъ, но если число лѣсничествъ будетъ значительно увеличено, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ ихъ площади, и если техническія требованія понизятся еще на нѣсколько процентовъ, то и въ количественномъ, такъ сказать, отношеніи будущее лѣсоустройство окажется вполне обеспеченнымъ. Нѣкоторое затрудненіе можетъ явиться вслѣдствіе того, что лѣсоустроительныя работы, исполняемыя мѣстными чинами, теряютъ свой ревизіонно-контрольный характеръ; но вѣдь существуетъ нынѣ обширный институтъ административныхъ ревизоровъ разныхъ ранговъ, — почему

же нельзя возложить на нихъ и лѣсоустроительныя ревизіи? Однимъ словомъ, по моему крайнему разумѣнію, вопросъ объ упраздненіи *нынѣшняго* института таксаторовъ не только созрѣлъ, но и перерѣлъ, и если въ одинъ прекрасный день, отъ одного почерка пера, сего института не станеть, то ни русское лѣсное дѣло вообще, ни русское лѣсоустройство въ частности—ничего рѣшительно отъ этого не потеряютъ. Въ потерѣ и въ очень тяжелой потерѣ останутся лишь тѣ несчастные члены упраздненнаго «института», которымъ не удастся пристроиться къ новымъ мѣстамъ. Гуманисты, правда, говорятъ, что самая лучшая идея не стоитъ человѣческой слезы, ни одной капли человѣческой крови; но, съ другой стороны, чего только гуманисты не говорятъ...

Признавая, «съ легкимъ сердцемъ», бесполезность института таксаторовъ, я имѣлъ исключительно въ виду *нынѣшнихъ* таксаторовъ и *нынѣшнее* лѣсоустройство; что же касается вопроса о томъ, насколько *нынѣшнее* лѣсоустройство отвѣчаетъ своей цѣли и можетъ-ли быть оно улучшено, оставаясь всецѣло въ рукахъ лѣсной администраціи, то означенный вопросъ долженъ быть разсматриваемъ особо, при чемъ можетъ оказаться, что бесполезность *нынѣшняго* института таксаторовъ вовсе не доказываетъ бесполезности этого института вообще.

Что наше лѣсоустройство во всѣхъ отношеніяхъ слѣдуетъ признать неудовлетворительнымъ — объ этомъ едва-ли могутъ существовать разныя мнѣнія. Въ теченіе 50 лѣтъ мы производили лишь всевозможные опыты и до сихъ поръ не пришли даже къ какому-либо опредѣленному выводу, по самымъ главнымъ, принципиальнымъ, вопросамъ лѣсоустройства. Успѣхи лѣсной техники за границею, новые взгляды и вѣянія, діаметрально противоположные прежнимъ, новыя системы лѣсоустройства, быстро смѣняющія одна другую,— все это не только не принесло пользы русскому лѣсному дѣлу, но, такъ сказать, еще больше сбивало его съ толку, лишало возможности подвести итоги собственному опыту, остановиться окончательно на собственномъ методѣ лѣсоустройства. Мы въ этомъ дѣлѣ шли буквально съ завязанными глазами, метались то въ одну сторону, то въ другую, переходя отъ одной крайности къ другой, отъ самыхъ интенсивныхъ пріемовъ до самыхъ упрощенныхъ, отъ теодолитной съемки до съемки лѣсовъ «шагами», отъ таксаціонныхъ вычисленій съ точностью до десяти десятичныхъ знаковъ до таксаціи, называемой «заглазнымъ глазомѣромъ»; мы то провозглашали лѣсоустройство краугольнымъ камнемъ лѣснаго дѣла, имѣющимъ общегосударственное значеніе, то низводили всѣ лѣсоустроительныя

работы, en masse, на степень совершенной бесполезности; наконецъ, въ самыхъ коренныхъ началахъ лѣсоустройства мы поочередно слѣдовали самымъ противоположнымъ теоріямъ, не провѣривъ ни одну изъ нихъ собственнымъ опытомъ, начиная отъ идеальнаго фізіократизма и кончая ultra-матеріальной финансовой теоріей. Главнѣйшія причины подобной неустойчивости и шатанія заключаются, по моему мнѣнію, въ слѣдующемъ: 1) всѣ наши лѣсостроительныя инструкціи создавались *не снизу, а сверху*, т.-е. не на основаніи самостоятельныхъ изслѣдованій и собственного опыта, а по теоретическимъ, кабинетнымъ соображеніямъ, и 2) мы постоянно стремились начертать *общіе* для всѣхъ русскихъ лѣсовъ принципы лѣсоустройства и тѣмъ самымъ каждую данную инструкцію дѣлали а priori непригодной къ массѣ отдѣльныхъ частныхъ случаевъ. Къ указаннымъ выше причинамъ слѣдуетъ присоединить еще присущую намъ, русскимъ, склонность начинать всякое дѣло съ самаго начала, ab ovo, относиться не съ особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ дѣятельности нашихъ предшественниковъ, не считаться съ опытомъ, не нами произведеннымъ, и съ идеей, не нами высказанной, —однимъ словомъ, по мѣткому выраженію гоголевскаго Петрушки, «доходить до всего собственнымъ умомъ»... Какъ бы то ни было, но фактъ на лицо, что лѣсоустройства у насъ нѣтъ, ни собственнаго, ни «заграничнаго», а есть только цѣлые фоліанты таксаціонныхъ отчетовъ, мирно почивающіе въ канцелярскихъ шкапахъ, по всей великой землѣ русской...

Между тѣмъ, едва-ли нужно доказывать, что лѣсоустройство у насъ необходимо, что безъ *раціональнаго* лѣсоустройства не можетъ быть и раціональнаго хозяйства. Мало того: именно у насъ, при существованіи сложныхъ и разнородныхъ условій, въ которыхъ находятся государственные лѣса, задачи лѣсоустройства еще шире, находятся государственные лѣса, задачи лѣсоустройства еще шире, чѣмъ, напр., за границею, и не должны ограничиваться опредѣленіемъ лишь количества и способа ежегодной добычи древесины. По моему крайнему разумѣнію, наше лѣсоустройство должно имѣть самую полную и всестороннюю организацію лѣснаго дѣла въ каждомъ административно-хозяйственномъ районѣ, каковымъ является у насъ лѣсничество. Подобная организація, независимо отъ устройства лѣсовъ въ тѣсномъ смыслѣ, должна обнимать всѣ, безъ исключенія, отрасли лѣснаго дѣла, — администрацію, охраненіе, упорядоченіе лѣсовладѣнія (путемъ промѣна, отчужденія и пріобрѣтенія лѣсныхъ прованствъ), лѣсную торговлю, статистику, финансовую часть, воздѣйствіе казеннаго лѣснаго управленія на народное хозяйство даннаго района и проч., и проч. Составленный такимъ образомъ, на

основаніи мѣстныхъ изслѣдованій и фактическихъ данныхъ, чуждый всякихъ предвзятыхъ теорій и аргюгі преподаваемыхъ правилъ, планъ организаціи лѣсного дѣла явится дѣйствительно краеугольнымъ камнемъ, на которомъ будетъ зиждиться и развиваться лѣсное хозяйство, по строго опредѣленной системѣ, признанной наилучшей, по даннымъ условіямъ времени и мѣста. Кто знакомъ съ особенностями нашей мѣстной лѣсной администраціи и съ нашими государственными лѣсами—крайне неправильными, въ лѣсоводственномъ смыслѣ, истощенными, разбросанными, чрезполосными и т. п.,—тотъ не можетъ не согласиться, что намъ необходимо именно *общее* устройство каждаго лѣсничества,—устройство, которое бы приняло въ расчетъ *всѣ*, безъ исключенія, условія даннаго района—лѣсохозяйственныя, экономическія, административныя, и обняло бы всѣ отрасли лѣсного дѣла. Нынѣшнее лѣсоустройство потому и не достигаетъ своей цѣли, что имѣетъ частичный характеръ, распространяется на отдѣльныя дачи, на нѣкоторыя лишь отрасли лѣснаго дѣла, вслѣдствіе чего лѣсоустроительныя предначертанія оказываются неполными, неправильными, въ смыслѣ относительной важности рекомендуемыхъ мѣръ, и даже просто физически невыполнимыми.

Не надо упускать изъ виду, однако, что и вполне идеальное лѣсоустройство можетъ оказаться бесполезнымъ, если—какъ это случалось нерѣдко—оно не будетъ приводиться въ исполненіе вовсе или не съ должною энергіею, настойчивостью и, такъ сказать, искренностью. Полувѣковой опытъ показываетъ, сколько благихъ и дѣльныхъ лѣсоустроительныхъ предначертаній остались невыполненными, и не потому зачастую, что къ осуществленію ихъ встрѣтились какія-либо серьезныя препятствія, а потому, что на эти предначертанія не обращалось ровно никакого вниманія. Наше лѣсоустройство, постепенно опускаясь по наклонной плоскости, перестало играть какую-бы то ни было активную роль въ общемъ административномъ строѣ, и про него можно сказать безъ особаго преувеличенія, что «лѣсоустройство само по себѣ, а лѣсное дѣло само по себѣ». Во избѣжаніе въ будущемъ подобнаго прискорбнаго явленія, необходимо придать лѣсоустройству силу авторитета, не только въ техническомъ отношеніи, но и въ отношеніи юридическомъ, сдѣлавъ лѣсоустроительныя предначертанія безусловно *обязательными*,—обязательными, какъ законъ, который не допускаетъ никакихъ личныхъ усмотрѣній и компромиссовъ. Организовавъ лѣсоустройство на тѣхъ широкихъ началахъ, которыя намѣчены выше, и придавъ ему силу непоколебимаго авторитета, мы дѣйствительно поставимъ русское лѣсное

дѣло на твердую почву и создадимъ, наконецъ, не только на основаніи теоретическихъ и научныхъ соображеній, но и на основаніи точныхъ практическихъ данныхъ, опредѣленную *систему*, отсутствіе которой всегда было и теперь является главнѣйшимъ недостаткомъ нашего государственнаго лѣсного хозяйства.

Теперь возникаетъ вопросъ: можетъ-ли быть это *настоящее*— если позволено будетъ такъ назвать — лѣсоустройство выполнено мѣстными лѣсными чинами? Означенный вопросъ не трудно разрѣшить, бросивъ хотя бы бѣглый взглядъ на дѣятельность нашихъ лѣсничихъ и на тѣ внѣшнія условія, въ которыхъ они находятся. Наши лѣсничіе, какъ въ важныхъ, такъ и въ менѣе важныхъ лѣсничествахъ, какъ въ большихъ, такъ и малыхъ, и въ послѣднихъ нерѣдко больше чѣмъ въ первыхъ, по горло завалены *текущей* работой и все ихъ служебное время раздѣляется между разъѣздами, по тѣмъ или другимъ *текущимъ* дѣламъ, и занятіями въ канцеляріи. Можно сказать съ увѣренностью, что $\frac{9}{10}$ лѣсничихъ бывають въ лѣсу не иначе, какъ по какому-либо частному. неотложному дѣлу, покончивъ съ которымъ спѣшатъ скорѣе восвояси, гдѣ ихъ ждетъ неотложная канцелярская работа. Я не говорю уже о такихъ лѣсничествахъ, въ которыхъ дачи разбросаны на сотни верстъ и о такихъ лѣсничихъ, которые обременены семействомъ и вынуждены, слѣдовательно, удѣлять не мало времени своимъ личнымъ дѣламъ и работамъ. Нельзя ни на минуту упускать изъ виду, что положеніе нашихъ лѣсничихъ не можетъ быть даже сравниваемо съ положеніемъ, напр., германскихъ лѣсничихъ, которые дѣйствительно имѣють полную возможность, кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей и текущихъ дѣлъ, заниматься наукой, производить самостоятельныя изслѣдованія, дѣлать опыты и наблюденія, однимъ словомъ, могутъ быть не только слѣпыми исполнителями, но и организаторами и двигателями лѣсного дѣла. Вѣдь мы не поступаемъ такъ, какъ поступаетъ, напр., германская лѣсная администрація при организаціи какого-нибудь новаго лѣсничества, справляясь съ мелочною заботливостью (чему я былъ самъ свидѣтелемъ) о томъ, не слишкомъ ли далеко отстоитъ мѣстожительство лѣсничаго отъ города или отъ станціи желѣзной дороги, есть-ли по близости школа, общественная библіотека, почта, телеграфъ и прочія внѣшнія удобства, безъ которыхъ образованный человѣкъ не въ состояніи всецѣло отдаться дѣлу и принести всю ту долю пользы, на которую государство и общество вправѣ рассчитывать. Эти внѣшнія благопріятныя условія, въ которыя поставлены германскіе лѣсничіе, въ соединеніи съ независимостью и

прочностью ихъ положенія, являются важнымъ факторомъ въ развитіи всѣхъ отраслей лѣсного дѣла, и этого-то фактора у насъ тоже пока не достаетъ. Наши лѣсничіе не имѣютъ ни средствъ, ни досуга заниматься чѣмъ-либо другимъ, кромѣ службы, разумѣя подъ «службой» исполненіе текущихъ дѣлъ и обязанностей, къ числу коихъ «настоящее» лѣсоустройство причислено быть не можетъ, такъ какъ оно потребуетъ отъ исполнителей *все* ихъ время, не говоря уже объ опытности, знаніи и даже талантѣ, ибо талантъ нуженъ для всякаго организаціоннаго дѣла, а слѣдовательно, и для лѣсоустройства. Одно увеличеніе число лѣсничествъ, на счетъ нынѣшняго института таксаторовъ, врядъ-ли принесетъ существенную пользу въ этомъ отношеніи, такъ какъ центръ тяжести вовсе не лежитъ въ абсолютной величинѣ лѣсничествъ, а въ совокупности всѣхъ прочихъ неблагоприятныхъ условій и, прежде всего, въ отсутствіи системы въ нашемъ государственномъ лѣсномъ хозяйствѣ, установить которую и предстоитъ будущему лѣсоустройству.

Итакъ, если лѣсоустройство, *въ его настоящемъ видѣ*, легко выполнимо мѣстными лѣсными чинами, то лѣсоустройство, *какъ оно должно быть*, съ его широкими организаціонными задачами, никакъ не можетъ быть передано въ руки мѣстной администраціи, ибо, въ противномъ случаѣ, оно попало бы въ колею обычныхъ «текущихъ» дѣлъ и, говоря словами поэта, отцвѣло бы раньше, чѣмъ успѣло разцвѣсть. Для «настоящаго» лѣсоустройства нуженъ *новый* институтъ таксаторовъ, съ высокимъ умственнымъ и образовательнымъ цензомъ, институтъ независимый и поставленный на подобающую высоту въ служебной іерархіи. По проекту организаціи Министерства земледѣлія, въ составѣ послѣдняго будетъ находиться особый отдѣлъ земельныхъ улучшеній, вѣдающій осушительными и ирригаціонными работами и межевою частью; въ этомъ отдѣлѣ, по моему мнѣнію, должно быть сосредоточено и лѣсоустройство, какъ одинъ изъ видовъ земельныхъ улучшеній, имѣющій притомъ непосредственную связь съ межеваніемъ. Этимъ путемъ достигается тройкая цѣль: лѣсоустройство юридически признано будетъ дѣломъ особой важности, усилится значеніе его, какъ фактора ревизіонно-контрольнаго и, наконецъ, институтъ таксаторовъ, независимый отъ администраціи, отъ ея случайныхъ, переходящихъ взглядовъ, вѣяній, направленій, — въ состояніи будетъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно требованіями науки и высшими цѣлями государственнаго и народнаго хозяйства.

Не мѣсто, конечно, въ бѣглой журнальной замѣткѣ входить въ обсужденіе подробностей затронутаго мною вопроса; поэтому я за-

кончу мою статью перечнемъ основныхъ положеній, вытекающихъ изъ всего вышесказаннаго: 1) нынѣшнее лѣсоустройство рѣшительно не достигаетъ своей цѣли; 2) нынѣшній институтъ таксаторовъ— учреждение бесполезное, функціи котораго съ успѣхомъ могутъ быть отправляемы всѣми прочими чинами лѣсной администраціи; 3) намъ необходимо лѣсоустройство съ широкими организаціонными задачами, обнимающее всѣ отрасли лѣсного дѣла въ каждомъ данномъ районѣ и долженствующее стать опорой для всѣхъ будущихъ дѣйствій въ области государственнаго лѣсного хозяйства, и 4) такое лѣсоустройство потребуетъ новыхъ исполнителей, особаго института таксаторовъ, съ высокимъ умственнымъ и образовательнымъ цензомъ, авторитетнаго и независимаго. Къ приведеннымъ тезисамъ необходимо присоединить еще одинъ, который въ русскомъ лѣсномъ дѣлѣ имѣетъ значеніе *conditio sine qua non*: условія русскихъ лѣсовъ до того разнообразны, до того рѣзко отличаются одни отъ другихъ, въ зависимости не только отъ географическаго положенія, но и отъ экономическихъ, соціальныхъ и культурныхъ особенностей той или другой мѣстности, что нужно разъ навсегда отказаться отъ идеи подчинить лѣсное дѣло цѣлой Имперіи какимъ-либо общими правилами, а достигнуть этого счастливаго результата, вѣрнѣе и радикальнѣе, возможно лишь путемъ *децентрализаціи* управленія государственными лѣсами. Единственныя общія начала, которыми должны руководствоваться всѣ дѣятели этого управленія, весьма несложны и не требуютъ никакой регламентаціи, а именно: законъ, наука и государственная польза; всѣ же прочіе факторы лѣсного дѣла находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ мѣстныхъ условій и всякая попытка создать общій, такъ сказать, рецептъ для русскихъ лѣсовъ, занимающихъ громадное пространство будетъ новой ошибкой, тѣмъ болѣе непростительной, что мы имѣемъ за собою полу-вѣковой опытъ, доказывающій, что къ достиженію цѣли ведетъ путь совершенно противоположный.

П. Жудра.

Торговля лѣсомъ въ 1892 году.

(Изъ «Вѣстн. Фин.», № 43).

Подводя итогъ лѣсной торговлѣ 1892 года, оказывается, что хотя въ общемъ оборотъ международной торговли увеличился, но въ незначительной степени, и притомъ условія торговли были столь затруднены разными неблагоприятными обстоятельствами, что отчетный годъ слѣдуетъ охарактеризовать скорѣе какъ стоящій ниже нормальнаго уровня, чѣмъ какъ благоприятный. Въ числѣ тормозившихъ лѣсную торговлю причинъ прежде всего надо упомянуть невыгодныя климатическія условія; въ теченіе подготовительнаго періода, т.-е. зимы 1891—92 года, необыкновенное количество снѣга затрудняло въ значительной степени работы, а наступившая въ серединѣ весны продолжительная засуха задерживала сплавъ лѣса по рѣкамъ. Не безъ замѣтнаго вліянія на лѣсную торговлю осталась и холера, вызывая карантинныя мѣропріятія со стороны многихъ государствъ и такимъ образомъ сокращая обороты во все время существованія эпидеміи. Въ особенности это касается Россіи и Германіи, гдѣ холерная эпидемія вліяла не только на размѣры вывоза и привоза, но и на внутренніе обороты, въ частности на сплавъ лѣса по Волгѣ и на торговлю Гамбурга. Отчасти лѣсная торговля тормозилась еще продолжающимися до настоящаго времени неблагоприятными послѣдствіями чрезмѣрнаго вывоза лѣсныхъ товаровъ изъ странъ производства въ предыдущіе годы, въ особенности въ 1889 году. Хотя соглашенія, состоявшіяся между лѣсопромышленниками многихъ государствъ и имѣющія цѣлью регулированіе и ограниченіе вырубki и вывоза лѣса, предотвращаютъ для будущаго опасность подобнаго перепроизводства, однако, до настоящаго времени они еще не были въ состояніи возстановить нормальное отношеніе между предложеніемъ и спросомъ, и переполненіе потребительныхъ рынковъ лѣсными запасами, хотя въ меньшей степени, чѣмъ въ предыдущихъ годахъ, сказывалось еще и въ отчетномъ году, обуславливая пониженіе цѣнъ и затрудняя заключеніе сдѣлокъ. Въ числѣ экономическихъ и политическихъ причинъ на первомъ мѣстѣ стоятъ перемѣны въ таможенныхъ тарифахъ, осуществившіяся въ Германіи, Франціи и Испаніи. Ихъ значеніе двояко: съ одной стороны, онѣ вызвали уменьшеніе привоза, особенно во Франціи, а съ другой,—повлекли за собой увеличеніе цѣнъ для потребителей или, при достаточномъ предложеніи со стороны иностранныхъ экспортеровъ,—пониженіе цѣнъ для послѣднихъ. Въ числѣ благоприятныхъ причинъ, исправлявшихъ отчасти настроеніе рынка,

слѣдуетъ указать, главнымъ образомъ, на соглашенія о регламентаціи вывоза, состоявшіяся въ 1890 г. въ Швеціи, Норвегіи и Финляндіи и внесшія увѣренность въ дѣлахъ, отсутствіе которой столь невыгодно вліяло на настроеніе рынковъ съ 1889 года.

Нѣсколько инымъ оказался ходъ внутренней лѣсной торговли. Считаясь съ отмѣченнымъ выше положеніемъ международнаго рынка, русскіе лѣсопромышленники, вмѣстѣ съ тѣмъ, не рассчитывали и на обширную внутреннюю торговлю. Заготовки лѣсныхъ матеріаловъ въ зиму 1891—92 года всюду въ раионахъ производства были сокращенныя; въ приволжскомъ бассейнѣ, кромѣ обилія снѣга, этому способствовала еще дороговизна продовольствія и кормовъ, дошедшая до того, что рабочіе наѣдали кабалу, т.-е. не зарабатывали того, что стоило прокормленіе ихъ самихъ и лошадей; съ открытіемъ общественныхъ работъ, многіе частные промышленники сократили выработку, особенно шпаль, боясь конкуренціи. Вслѣдствіе этого, въ волжскомъ бассейнѣ сокращеніе плотовыхъ лѣсовъ достигло мѣстами 30—40%, противъ предшествовавшаго года. Въ другихъ мѣстахъ производства сокращеніе заготовокъ и сплава произошло частью вслѣдствіе суровой зимы, затруднявшей вырубку, частью, какъ въ бассейнѣ Днѣпра и Вислы, вслѣдствіе мелководья, не позволившаго сплавить всего предположеннаго количества. Въ результатѣ, количество заготовленнаго и сплавленнаго лѣса составило въ 1892 году не болѣе $\frac{2}{3}$ нормальнаго, ходъ же дѣлъ у насъ оказался, вопреки ожиданіямъ, весьма оживленнымъ. Благодаря сокращенію заготовокъ, товара въ предложеніи всюду было сравнительно немного, а мѣстами и совсѣмъ недостаточно, и цѣны въ большинствѣ случаевъ благопріятствовали торговцамъ, тѣмъ болѣе, что спросъ повсюду, и особенно въ волжскомъ бассейнѣ, былъ выше, чѣмъ въ предыдущемъ году, какъ вслѣдствіе усиленнаго удовлетворенія потребностей, накопившихся у населенія въ неурожайный 1891 годъ, когда исполненіе многихъ построекъ и сооруженій откладывалось до болѣе благопріятнаго времени и потребление низвелось до уровня неотложныхъ затратъ, такъ и вслѣдствіе постройки новыхъ желѣзнодорожныхъ линій въ волжскомъ районѣ, требовавшихъ много шпаль и строительныхъ матеріаловъ. Въ районѣ Днѣпра спросъ настолько превышалъ предложеніе, что требованія Екатеринослава и Херсона на строевой лѣсъ почти равнялись всему заготовленному въ районѣ товару этого сорта. Особенно всюду ощущался недостатокъ въ дровахъ; суровая зима 1891—92 года способствовала усиленному расходованію этого товара, и къ веснѣ запасы въ потребительныхъ центрахъ замѣтно постощились. Въ виду

этого, уже ранней весной всюду начало замѣчаться торговое оживленіе съ лѣсными товарами и цѣны съ апрѣля (время открытія навигаціи въ сплавныхъ районахъ) установились на всѣ товары крѣпкія и въ общемъ на 10—15% повышенныя, сравнительно съ соотвѣтственными предшествовавшаго года. Устойчивость цѣнъ и даже склонность къ дальнѣйшему повышенію замѣчалась всюду, если не считать временныхъ колебаній, вызванныхъ въ низовыхъ волжскихъ центрахъ появленіемъ холерной эпидеміи, а въ западныхъ, ведущихъ экспортную торговлю, пунктахъ — измѣненіемъ курса и колебаніями цѣнъ заграницей. Всюду заготовки лѣсного матеріала не превышали спроса, и сбытъ производился настолько успѣшно, что къ концу года лѣсопромышленники раздѣлались со всѣмъ имѣвшимся у нихъ товаромъ, выручивъ хорошія деньги. Въ виду благопріятныхъ для лѣсоторговцевъ результатовъ реализаціи лѣсныхъ заготовокъ 1892 года, текущій годъ открылся оживленными заготовками къ предстоявшей кампаніи, которая обѣщала быть по размѣрамъ гораздо значительнѣе предшествовавшихъ лѣтъ. Хорошіе виды на урожай поощряли потребленіе къ быстрому возрастанію, крупныя желѣзнодорожныя постройки сулили также не малыя выгоды для продавцовъ и въ смыслѣ расширенія оборотовъ, и въ отношеніи уровня цѣнъ.

Внутренняя лѣсная торговля сосредоточивается, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, въ приволжскомъ бассейнѣ. Верховья Волги и ея притоковъ являются райономъ снабженія безлѣсныхъ губерній юга Россіи, причемъ главными распредѣлительными рынками служатъ: Царицынъ, Астрахань и Ростовъ на-Дону. Крупная внутренняя торговля ведется также по бассейнамъ Днѣпра и Днѣстра, гдѣ происходитъ сплавъ лѣса изъ западнаго района Россіи и изъ Австро-Венгріи для юга-запада, центра и части юга Россіи; Днѣстръ служитъ почти единственнымъ путемъ доставокъ лѣса въ Бессарабію и Подолію и во всѣ мѣста по его теченію до Чернаго моря. Бассейны Сѣверной и Западной Двины, Нѣмана и Вислы для внутренней торговли имѣютъ гораздо менѣе значенія; лѣсъ съ этихъ рѣкъ въ значительномъ количествѣ идетъ за границу, и внутренній сбытъ ограничивается прилегающими мѣстностями.

Въ центральномъ районѣ обширнымъ мѣстомъ сбыта лѣсного товара является Москва съ окрестностями. Прежде Москва снабжалась лѣсомъ изъ недалекихъ мѣстъ—изъ Дмитровскаго, Рузскаго и особенно изъ Клинскаго уѣздовъ; нынѣ же мѣста заготовки лѣса для Москвы значительно отодвинулись, и гужевая подвозка лѣсного матеріала, прежде преобладавшая, нынѣ совсѣмъ упала; значительно

уменьшился также подвозъ по водѣ; вмѣсто гужевой и водяной доставки развился привозъ лѣса желѣзными дорогами. Въ Москву лѣсъ идетъ какъ въ деревьяхъ, такъ и пиленный. Въ самомъ городѣ и около него лѣсопильныхъ заводовъ нѣтъ, но мѣстные лѣсные склады распиливаютъ въ ручную нѣкоторые сорта лѣса, согласно различнымъ требованіямъ со стороны потребителей. Нынѣ устраивается Шульцемъ первый лѣсопильный заводъ. Лѣсопильные заводы центрального района расположены преимущественно близъ тѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ, до коихъ довозится лѣсъ гужемъ или водою, и откуда онъ направляется желѣзнодорожнымъ путемъ въ Москву. Таковы, напр., лѣсопильные заводы Уѣдинова, Серебрякова въ Твери, Куманина, Мотова и Мельникова, Салтыкова близъ ст. Завидово Николаевской желѣзной дороги, Шibaевыхъ въ Серпуховѣ на р. Окѣ, Жалова и Ангиныхъ близъ Ярославля и пр. Лѣсъ нераздѣланный и пиленный еловый и сосновый идетъ въ Москву по Николаевской, Ярославской, Курской и Нижегородской желѣзнымъ дорогамъ, между тѣмъ какъ по Брестской желѣзной дорогѣ доставляется преимущественно раздѣланный лѣсъ и большею частью еловый, кромѣ того, часть барочнаго, балочнаго и нѣкоторыхъ другихъ видовъ лѣснаго товара доставляется по р. Москвѣ. Черезъ Ярославль идетъ, главнымъ образомъ, волжскій лѣсъ, особенно ветлужскій и унженскій; довольно много лѣса доставляетъ Переяславльскій уѣздъ, изъ коего матеріалъ вывозится гужемъ на станціи Ярославской желѣзной дороги, причемъ подвозятъ къ желѣзной дорогѣ лѣсъ издалека, даже съ 3-дневнаго разстоянія. По Николаевской желѣзной дорогѣ лѣсъ доставляется изъ Твери тоже волжскій, а со станціи Завидово и сосѣднихъ станцій какъ волжскій, такъ отчасти и мѣстный. Волжскій лѣсъ поднимается также по рр. Окѣ и Москвѣ, причемъ съ Волги идутъ этимъ путемъ особенно ветлужскія балки. Хорошія балки идутъ также водою изъ сѣверной части Тамбовской и южной части Владимірской (Меленковскій уѣздъ) губерній, особенно же славятся лѣса около Саровской пустыни. Водою поступаютъ въ Москву также барки съ дровами, хлѣбомъ, сѣномъ, мочалою и пр., которыя здѣсь разбираются и поступаютъ на лѣсные склады. Нижегородская желѣзная дорога везетъ въ Москву довольно много муромскаго сосноваго (краснаго) лѣса.

Что касается цѣнъ на лѣсные матеріалы въ Москвѣ, онѣ крайне неподвижны и не мѣняются не только въ году — по сезонамъ, но остаются постоянными даже нѣсколько лѣтъ сряду. Въ общемъ, однако, цѣны постепенно поднимаются; за послѣднія 20 лѣтъ онѣ поднялись процентовъ на 60—75, что зависѣло отъ общаго оску-

дѣнія центральной Россіи строительнымъ лѣсомъ и отъ удлиненія путей доставки. Но преісъ-курантыя московскія цѣны стоятъ въ зависимости отъ заготовочныхъ погодныхъ цѣнъ на главныхъ мѣстахъ заготовки лѣса въ Россіи, и обратно на эти послѣднія вліянія не производитъ. вмѣстѣ съ тѣмъ все московскіе склады держатся приблизительно одинаковыхъ цѣнъ и каждый крупный складъ удовлетворяетъ требованіямъ на всевозможныйъ строительно-лѣсной матеріалъ; спеціализаціи складовъ по отдѣльнымъ родамъ матеріаловъ и по происхожденію нѣтъ.

Сорта лѣса различаются по породѣ—сосна и ель; по размѣрамъ, по способу раздѣлки (3-хъ или 4-хъ-сторонніе брусья, горбыль, середка и пр.), по чистотѣ древесины (чистый лѣсъ много, иногда въ 2—2^{1/2} раза, дороже обыкновеннаго и цѣны на него не входятъ въ преісъ-куранты), по степени сохранности (красный—болѣе свѣжій, хотя и сухой, просинѣвшій) и пр. Главные сорта строительно-лѣсныхъ матеріаловъ, преимущественно обращающихся въ московской торговлѣ, слѣдующіе. Бревна или дерева сосновыя и еловыя продаются на штуки и бываютъ 14 разныхъ сортовъ: отъ 6 до 16 арш. длиною, отъ 2^{1/2}—2^{3/4} до 8 вершковъ толщиною и цѣною отъ 40 коп. до 9 руб. за сосновыя и отъ 30 к. до 6—8 р. за еловыя. Балки или 3-сторонніе брусья сосновыя, шириною 6—7 в., бываютъ длиною 18 арш., 18—19 арш., 20—22 арш. и дѣлаются отъ 75 к. до 1 р. 10 к. за аршинъ, тѣмъ дороже, чѣмъ балка длиннѣе. Балка 4-сторонка или 4-гранные брусья сосновыя длиною 6—22 арш., шириною 8—9 в. и толщиною 6—10 в., цѣною, начиная отъ 95 к. и до 1 р. 90 к. за аршинъ. Еловыя бревна на стояки для лѣсовъ при постройкахъ длиною 15—21 арш., толщиною 2^{1/2}—5 в. и цѣною 2 р. 60 к.—10 р. за штуку. Брусья для балокъ (черепичный брусокъ) длиною 10 и 12 арш., а толщиною 1^{1/4} и 1^{1/2} в., исключительно еловые, и только по особому заказу рѣжутся сосновыя. Брусья для колодъ, стояковъ (косяковъ) и вершниковъ (въ деревянныхъ постройкахъ) сосновыя 3-сторонніе изъ брусевъ 6×7 в., въ 3×6 в. и въ 3×7 в., а 4-сторонніе изъ брусевъ 6×8 в. въ 3×4 в., въ 3×8 в. и въ 4×6 в., а изъ брусевъ 7×9 в. въ 3^{1/2}×4^{1/2} в., въ 3^{1/2}×9 в. и въ 7×4^{1/2} в., цѣною за аршинъ 28—67 коп.; болѣе ходовые средніе брусья по 40 к. Лафетъ сосновый и еловый длиною 7—12 арш., шириною 7—8 в. и толщ. 2—3 в., семи сортовъ отъ 2 р. 60 к. до 8 р. за штуку сосновый и 2 р. 35 к.—7 р. 30 к. еловый; болѣе ходовой 7—8-аршинный. За лафетомъ по толщинѣ слѣдуютъ бывшія прежде въ особенной славѣ тверскія еловыя доски для холостыхъ

построекъ, которыя привозились даже 32 арш. въ длину; нынѣ длинныхъ мало, обыкновенно 16 — 19 арш., при ширинѣ 4—5 в. цѣною 1 р. 55 к.—3 р. 10 к. за штуку. Нижегородскія еловыя доски преимущественно 18 арш. дл., 5—5¹/₂ в. ширины и 2 в. толщины дѣлаются за штуку 2 р. 50 к.—3 р. Обыкновенныхъ досокъ сосновыхъ и еловыхъ имѣется сортовъ по 10—11, начиная съ 6 и до 12 арш. въ длину, 1¹/₄—1¹/₂ верш. толщины, цѣною сосновыя 57 к.—4 р. 30 к. и еловыя 50 к.—4 руб. за штуку. Барочныя еловыя доски, которыхъ прежде было на складахъ много, нынѣ же, благодаря уменьшенію прихода барокъ по р. Москвѣ, стало много менѣе, бывають 12—20 арш. дл. при 2 в. толщинѣ и дѣлаются за штуку 1 р. 90 к.—3 р. 40 к.; кокоры барочныя 19 арш. длиною, 4—6 в. ширины и 4 в. толщины дѣлаются 5 руб. 25 к.—6 р. 25 к. Между обыкновенными досками и тесомъ по толщинѣ стоитъ межеумокъ, той-же длины, что доски и тесъ, т.-е. 6—12 арш., шириною 6—7 в., при толщинѣ въ 1 в.; дѣлается со штуки сосновый 55 к.—3 р. 15 к. и еловый 50 к.—2 р. 85 к. За межеумкомъ слѣдуетъ тесъ длиною 6—12 арш., шириною 3¹/₄—5 в. и толщиной 1¹/₂—3³/₄ в., стоимостью за штуку 18—82 к. сосновый и 17—72 к. еловый. Слеги еловыя круглыя (для рѣшетника) 10 арш. длины при толщинѣ 1—1¹/₂ в. и 12 арш. дл. при толщинѣ 1¹/₄—1¹/₂ в.. цѣною 40—53 к. за штуку. Рѣшетникъ, пиленные пополамъ слеги 10 и 12 арш. длины, 1¹/₂—2 в. толщины, 28—33 коп. за штуку. Лѣстницы еловыя погребныя 4—5 арш. длиною 3 р. 25 к.—5 руб. и стремянныя 4—15 арш. на 1—6 р. за штуку. Лѣсныя склады въ Москвѣ расположились: близъ Краснохолмскаго моста на р. Москвѣ, гдѣ прежде особенно продавался лѣсъ, доставляемый водою, нынѣ же имѣется самый разнообразный лѣсной строительный и подѣлочный матеріалъ; склады при московской станціи Нижегородской желѣзной дороги; склады близъ ярославскаго вокзала въ Красномъ Селѣ, которые значительно сокращаются за послѣднее время; склады близъ товарной станціи Николаевской желѣзной дороги; склады близъ московской станціи Брестской желѣзной дороги; склады въ Миусахъ, куда прежде шла обширная гужевая доставка лѣса, а нынѣ везуть его немного.

Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣлъ съ лѣсомъ въ бассейнѣ Днѣпра, нужно замѣтить, что центральнымъ пунктомъ для этого района служить Кіевъ. Съ одной стороны онъ является распредѣлительнымъ рынкомъ для лѣса, сплавляемаго съ верховьевъ Днѣпра и его притоковъ на безлѣсный югъ, съ другой,—и кругомъ Кіева съ 3-хъ сторонъ лежатъ еще большія лѣсныя пространства, благодаря чему

лѣсной промыселъ въ ближайшемъ районѣ, т.-е. въ Радомысльскомъ и Кіевскомъ уѣздахъ Кіевской губерніи и въ Остерскомъ и Козелецкомъ уѣздахъ Черниговской губерніи, является господствующимъ, давая землевладѣльцамъ наиболѣе значительный доходъ, а сельскому населенію наиболѣе выгодный заработокъ. Сплавъ на Днѣпрѣ начинается ниже Дорогобужа; лѣсные матеріалы района Днѣпра идутъ большею частью внизъ въ Кіевъ, Кременчугъ, Екатеринославъ и Херсонъ, а также на попутныя пристани: Черкаскы, Бужинъ и др. частью направляются вверхъ по Днѣпру на Пинскъ и даже по Днѣпровско-Бугскому каналу на р. Вислу (около 2.000 плотовъ) и по Огинскому каналу на р. Нѣманъ (около 800 плотовъ) для экспорта въ Пруссію, преимущественно въ Мемель и Кенигсбергъ. Въ Кіевѣ часть лѣсныхъ матеріаловъ остается для переработки на мѣстныхъ лѣсопильняхъ и на удовлетвореніе мѣстнаго весьма значительнаго спроса, часть идетъ далѣе на югъ. Кіевъ, Кременчугъ, Екатеринославъ и Херсонъ можно назвать конечными пунктами торговли лѣсомъ по р. Днѣпру, такъ какъ въ районѣ каждаго изъ нихъ требуется большею частью совершенно различные сорта лѣса. Такъ, напримѣръ, лѣсъ, предназначенный въ Кременчугъ, сбыта въ Херсонѣ не имѣетъ и наоборотъ. Затѣмъ, сообразно разстоянію каждаго пункта, соблюдается очередь отправки; прежде всего отправляются плоты въ херсонскій портъ, затѣмъ въ Екатеринославъ, Кременчугъ и Кіевъ. Въ Херсонѣ идетъ самый цѣнный и крупный лѣсъ; его спѣшатъ отправить, чтобы не упустить времени спада воды въ рѣкѣ, въ противномъ случаѣ пропускъ черезъ пороги, помимо потери времени, вызываетъ лишніе расходы — отъ 500 до 1,000 р. на плотъ въ 400—500 бревенъ 5-саженной длины.

Лѣсопромышленники, почти исключительно евреи, скупаютъ лѣсъ на срубъ у землевладѣльцевъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, который зависитъ отъ количества купленныхъ десятинъ, обыкновенно отъ 6 до 10 лѣтъ; покупаютъ преимущественно въ кредитъ, давши 25% задатка съ условіемъ уплаты остальной части въ 2—3 года. Владѣльцы плотовъ и барокъ всегда ведутъ, не продавая, свой лѣсъ до главныхъ центровъ лѣсной продажи; здѣсь они распродаютъ свой товаръ въ большинствѣ случаевъ въ кредитъ, подъ векселя на 6, 9, 12 и 18 мѣсяцевъ и съ задаткомъ въ 10%. Брусья, кленка, плансоны, колоды, слипера и шпалы, которые идутъ отъ Пинска по каналамъ, продаются въ Пруссію большею частью на наличныя деньги.

Самые употребительные размѣры лѣса въ сыромъ видѣ бываютъ: бревна круглыя длиною 6 саж., толщиною въ отрубѣ

6—9 в.; тесаный лѣсъ имѣеть слѣдующія названія: болванка 4—6 саж. и 4—6 вершк.; кроква 3—7 саж. и 3 вершк.; полукроква такой же длины, толщиною $2\frac{1}{2}$ вершка; лата такой же длины, толщиною $1\frac{1}{2}$ —2 вершка.

Главнѣйшихъ періодовъ сплава лѣса по Днѣпру—два: первый, такъ называемый большой сплавъ, начинается съ апрѣля и продолжается по іюнь, но продолжительность его бываетъ нерѣдко и гораздо короче, такъ какъ вполне зависитъ отъ половодья. За этотъ періодъ времени сплавляется до 80% лѣса. Второй періодъ сплава—только до пороговъ и лишь въ исключительные годы далѣе пороговъ—начинается съ іюня и продолжается до ноября. Это такъ называемый малый сплавъ и за все это время сплавляется до 20% лѣса. Кіевская лѣсная пристань снабжается лѣсомъ изъ губерній: Минской, Могилевской, Кіевской и Черниговской. По количеству доставляемаго лѣса господствующее мѣсто занимаютъ губерніи Минская и Могилевская, изъ которыхъ поступаетъ почти $\frac{3}{5}$ всего лѣса, получаемого на кіевской пристани, остальные же $\frac{2}{5}$ доставляются губерніями Кіевской и Черниговской. По лѣснымъ породамъ поставляемый лѣсъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: сосновой породы доставляется около 70%, еловой—около 20%, дубовой—около 5%, ольховой—около 3% и лишь 2—3% упадаютъ на долю клена, липы, ясеня, березы, осины и нѣкоторыхъ другихъ. Дровяной лѣсъ поставляется тѣми же губерніями и по лѣснымъ породамъ распадается слѣдующимъ образомъ: ольховой породы доставляется около 50%, березовой—25%, сосновой—10% и остальные 15% упадаютъ на долю дуба, граба, ясеня, осины и нѣкоторыхъ другихъ. Кромѣ сплава лѣса-сырья, громадное количество сплавляется также издѣлій изъ лѣса, какъ-то: теса, дрючковъ, оглобель, досокъ, шелевокъ, брусевъ и проч. такъ-называемого барочнаго лѣса. Всѣ они вырабатываются на мѣстѣ вырубки и идутъ къ мѣстамъ назначенія или накатомъ на плотахъ, или же на специально устраиваемыхъ ежегодно для этой цѣли баржахъ. Райономъ сбыта этого рода товара служатъ южныя губерніи (Екатеринославская, Херсонская), въ Кіевѣ-же, благодаря значительному мѣстному производству, товаръ этого почти не получается. Издѣлія изъ дерева (щепной товаръ) какъ въ самомъ городѣ Кіевѣ, такъ и въ губерніи, вырабатываются въ громадномъ количествѣ и по разнообразію и чистотѣ отдѣлки значительно выше сплавныхъ издѣлій этого рода. Главные виды производимыхъ въ Кіевѣ и его губерніи деревянныхъ издѣлій слѣдующіе: оси, оглобли, дуги, колеса, спицы, полозья, клепки, бочки, чаны, ночвы, тачки, разнаго рода дрючки, принадлежности

для выкатыванія бѣлья, ряжки, колодки сапожныя, лохани, разнаго рода кухонныя принадлежности, бадьи, баліи (для стирки бѣлья), лопаты и, наконецъ, цѣлые экипажи, какъ-то: розвальни (сани), повозки, биндюги и проч. Все перечисленное имѣетъ для сбыта спеціальнѣйшій рынокъ, такъ-называемые «колесные ряды», и на лѣсной, собственно, пристани не встрѣчается и не бываетъ. Всѣ эти издѣлія приноравливаются къ мѣстнымъ потребностямъ, вкусамъ и требованіямъ потребителя и потому о какой-либо конкуренціи не можетъ быть и рѣчи и потому сплавныя издѣлія этого рода почти вовсе вытѣснены изъ Кіева, тѣмъ болѣе, что мѣстныя издѣлія, при своемъ качественномъ превосходствѣ, почти одинаковы по цѣнѣ. Равнымъ образомъ незначительное количество, по сравненію съ потребленіемъ, остается въ Кіевѣ и такъ-называемаго обработаннаго лѣса, какъ-то: брусевъ, досокъ, шелевокъ и проч. Объясняется это тѣмъ, что лѣсоторговецъ, закупивъ партію круглаго лѣса, сортируетъ его по своему усмотрѣнію и выпиливаетъ такого рода товаръ, который въ данный моментъ требуется. Такое положеніе лѣсной торговли необходимо должно было вызвать возникновеніе лѣсопильныхъ заводовъ и, дѣйствительно, въ Кіевѣ существуютъ четыре лѣсопильныхъ завода, о двухъ рамахъ, при одномъ паровикѣ отъ 35 до 50 лошадиныхъ силъ и отъ одной до пяти циркулярокъ каждый. Независимо отъ механической распиловки, почти каждымъ лѣсоторговцемъ практикуется и распиловка ручная, но количество обрабатываемаго лѣса ручнымъ способомъ въ сравненіи съ количествомъ, обрабатываемымъ механическимъ способомъ, ничтожно.

Въ 1892 году навигаціи для Кіева открылась въ концѣ марта; въ апрѣлѣ сплавъ лѣсныхъ матеріаловъ принялъ уже значительные размѣры, причемъ провозились преимущественно матеріалы лучшаго качества. Май и іюнь бывають обыкновенно самыми оживленными, но въ этомъ году сплавъ и торговля тормозились значительнымъ образомъ мелководьемъ, замѣчавшимся, главнымъ образомъ, въ притокахъ Днѣпра, по которымъ въ 1892 году нѣкоторые лѣсопромышленники не успѣли сплавить всего заготовленнаго матеріала. Къ концу іюня какъ въ Днѣпрѣ, такъ и въ его притокахъ уровень воды былъ такъ низокъ, что даже малые, такъ-называемые, екатеринославскіе плоты не могли уже ходить, почему предпочтительно везались пленицы и гребенки. Мелководье продолжалось до половины сентября, и хотя затѣмъ сплавъ усилился, но не въ достаточной мѣрѣ. Къ половинѣ ноября, съ закрытіемъ навигаціи, выяснилось, что сплавъ менѣе прежнихъ годовъ и составляетъ,

приблизительно, $\frac{2}{3}$ нормального количества. Въ теченіе первыхъ пяти сплавныхъ мѣсяцевъ прошло мимо кievскихъ пристаней съ верховьевъ Днѣпра 1.431 плотъ, 302 пленицы и гребенки и 103 судна (берлины, барки, гончаки), на которыхъ сплавлено слѣдующее количество лѣсныхъ матеріаловъ (стоимость—по оцѣнкѣ для обложенія сборами):

	Въ плотахъ.		На судахъ.
	Штуки.	Рубли.	Рубли.
Апрѣль	224.239	252.955	123.515
Май	714.429	704.045	—
Іюнь	474.974	421.075	3.116
Іюль	320.317	150.199	19.038
Августъ	267.789	85.724	2.178

Всего свыше 2.000.000 штукъ на сумму до 1.800.000 р., въ томъ числѣ приблизительно:

крупнаго круглаго лѣса	тыс. штукъ	800
» полуобработ. лѣса	»	306
шпаль	»	150
клепокъ	» копъ	7
досокъ и др. пиленнаго лѣса	» штукъ	30

Торговая дѣятельность Кіева въ весенній періодъ шла бойко, и цѣны уже въ апрѣлѣ обнаруживали наклонность къ повышенію, въ виду большого требованія на лѣсъ для построекъ и на шпалы для желѣзныхъ дорогъ. Приходившіе матеріалы заключались, главнымъ образомъ, въ дровахъ и шпалахъ; послѣднихъ въ апрѣлѣ привезено 136.000 шт. разнородныхъ, которыя почти полностью отправлены были на Курско-Кіевскую желѣзную дорогу. Въ маѣ состоялись крупныя продажи на лѣсопильные заводы, дѣлались также заготовки дровяныхъ дворовъ, особенно усилившіяся въ іюнь. Въ отношеніи цѣнъ, торговая дѣятельность была очень удачной; въ Кіевѣ весеннія цѣны на круглый сосновый лѣсъ установились слѣдующія: 18 арш. длины, 4 вершк. ширины 2 р. штука, 5 в. 2 р. 50 к.—3 р., 6 в. 4 р. 20 к.—4 р. 50 к., 7 в. 7 р.—7 р. 50 к., 8 в. 8 р. 50 к.—9 р. 50 к., 9 арш. длины при 4 в. ширины 80 к., 5 в. 1 р. 30 к., 6 в. 2 р.—2 р. 25 к., 7 в. 2 р. 60 к.—2 р. 80 к., 8 в. 4 р.—4 р. 50 к. Пилёный обрѣзной лѣсъ 9 арш. длины 6×3 в. чистый 2 р. 20 к., получистый 1 р. 60 к., обзолный 1 р. 35 к. Тесанья болванки 18 арш. длины при толщинѣ въ 3—5 в. отъ 1 р. 20 к. до 4 р., смотря по толщинѣ, 9-арш. длины отъ 55 к. до 1 р. 60 к. Къ концу навигаціи эти цѣны повысились на 10—15%.

Лѣсъ, сплавляемый по Днѣстру, почти весь не русскаго происхожденія, — онъ идетъ изъ Австро-Венгріи; въ минувшемъ году сплавъ значительно сократился, какъ въ зависимости отъ установленія пошлины на пиленный лѣсъ, такъ и вслѣдствіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ экономическихъ причинъ.

По Нѣману за границу прошло въ 1892 г. около 3.070 плотовъ, а въ 1891 году, приблизительно, 2.110 плотовъ; кромѣ того, барокъ, погруженныхъ разными лѣсными матеріалами, какъ-то: дубовой клепкой и дровами ежегодно проходить около 300 и отправляется изъ разныхъ мѣстъ непосредственно по желѣзной дорогѣ въ Мемель около 10.000 копъ дубовой клепки и около 1.000—1.200 штукъ дубовыхъ вагеншоссовъ. Лѣсъ, идущій по Нѣману, преимущественно сосновый, еловый и дубовый, а въ небольшомъ количествѣ ольховый, ясеневый и другихъ породъ. Приблизительно можно опредѣлить, что въ общемъ итогѣ сплава, принявъ во вниманіе стоимость, сосны 50%, ели 16%, дуба 30%, ольхи 2%, разныхъ породъ 2%. Количество матеріала, сплавляемаго въ обработанномъ видѣ, какъ-то: брусья, мауерлаты, клепка, слиперы и швели, составляетъ по стоимости его около 50% общаго итога сплава. Лѣсъ доставляется преимущественно зимою подводами къ берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ сообщеніе съ Нѣманомъ, его притоками или соединяющимися съ Нѣманомъ каналами. По вскрытіи весной рѣчекъ, лѣсъ малыми плотиками или отдѣльными штуками, въ разбродъ сплавляется до пунктовъ перевязки, находящихся при устьяхъ рѣчекъ, т.-е. при впаденіи оныхъ въ болѣе значительныя рѣки. Нерѣдко же лѣсъ доставляется къ пунктамъ сплава и по желѣзной дорогѣ. Обработанный лѣсъ поступаетъ по преимуществу изъ Волынской, Кіевской, Могилевской и Орловской губерній — насколько дѣло касается брусьевъ, мауерлатовъ и клепки; слиперы же и швели идутъ преимущественно изъ Минской и сѣверо-западныхъ губерній.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Лѣсные сѣзды и общества.

Вопросъ объ организаціи лѣсныхъ сѣздовъ въ Россіи затрогивался уже въ прошломъ году на страницахъ «Русскаго Лѣснаго Дѣла». Въ настоящее время Лѣсному Обществу въ Петербургѣ предстоитъ заняться выработкою положенія о лѣсныхъ сѣздахъ и потому будетъ не лишнимъ привести нѣсколько справокъ по этому вопросу, представляющему громадное значеніе для развитія нашего лѣснаго хозяйства.

У насъ до настоящаго времени бывали лѣсные сѣзды весьма различнаго характера—всероссійскіе и мѣстные, общіе и спеціальныя. Поэтому я прежде всего останавлиюсь на установленіи существующихъ типовъ сѣздовъ.

Наибольшей извѣстностью пользуются у насъ всероссійскіе сѣзды, сѣзды же мѣстные и спеціальныя настолько мало популярны, что даже такое, казалось бы, компетентное учрежденіе, какъ Совѣтъ Лѣснаго Общества, не задумалось категорически утверждать, что «такихъ сѣздовъ у насъ въ Россіи до сихъ поръ еще не было»¹⁾. Это утвержденіе заставляетъ привести маленькую историческую справку.

Мѣстные лѣсные сѣзды начались у насъ въ Рязанской губ. въ 1868 году, одновременно со сѣздами балтійскихъ лѣсоводовъ, періодически собирающимися и до настоящаго времени. Собранія балтійскихъ лѣсоводовъ представляютъ для насъ нѣсколько меньшій интересъ, хотя бы потому, что говорятъ на нихъ на нѣмецкомъ, а не на русскомъ языкѣ, но лѣсные сѣзды Рязанской губ., «въ которыхъ, кромѣ лѣсничихъ, принимали участіе и лѣсовладѣльцы»²⁾, являются первыми по времени мѣстными лѣсными сѣздами въ Россіи. За этими сѣздами должна быть признана заслуга пробужденія въ нашемъ обществѣ интереса къ лѣсному хозяйству, эти сѣзды, въ значительной степени, способствовали возникновенію того Лѣснаго Общества, представители котораго теперь отрицаютъ самое существованіе этихъ сѣздовъ. Одновременно съ рязанскими сѣздами собирались сѣзды гродненскихъ и ярославскихъ лѣсничихъ³⁾.

Первый всероссійскій сѣздъ, созданный въ 1872 г. въ Москвѣ Лѣснымъ Обществомъ, совпалъ, по времени, съ прекращеніемъ ря-

¹⁾ «Лѣсной Журналь», 1893 г., стр. 98.

²⁾ «Лѣсной Журналь» 1872 г., в. 2, стр. 127.—Подробности о рязанскихъ сѣздахъ см. въ статьяхъ Ф. Полонскаго: «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» 1869 г., кн. 11; 1870 г., кн. 5; 1871 г., кн. 12; 1872 г., кн. 6.

³⁾ «Лѣсной Журналь» 1873 г., кн. 1, стр. 87 и 1874 г., кн. 4, стр. 41.

занскихъ съѣздовъ. Этотъ же съѣздъ, можно думать, воспрепятствовалъ успѣху мѣстнаго съѣзда въ г. Уфѣ ¹⁾ и вообще можно утверждать, что всероссійскіе съѣзды поглотили, такъ сказать, мѣстные, находившіеся въ первой стадіи своего развитія. Только съѣзды прибалтійскихъ лѣсоводовъ, обособленныхъ отъ остальной Россіи, продолжали существовать и развиваться самымъ завиднымъ образомъ.

Однако, поглощеніе мѣстныхъ съѣздовъ всероссійскими не могло удовлетворить даже тѣмъ потребностямъ лѣснаго хозяйства, которыя существовали 20 лѣтъ назадъ и потому, на ряду съ всероссійскими съѣздами, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ *спеціальныхъ* съѣздовъ. Прежде всего потребовали спеціального разсмотрѣнія нѣкоторые административные вопросы хозяйства въ казенныхъ лѣсахъ: мѣстные съѣзды казенныхъ лѣсничихъ собирались во Владимирской ²⁾, Олонецкой ³⁾, Черниговской ⁴⁾, Московской ⁵⁾, Таврической ⁶⁾ и Екатеринославской ⁷⁾ губ. Затѣмъ вопросы, интересующіе частныхъ лѣсовладѣльцевъ, обсуждались на областныхъ сельскохозяйственныхъ съѣздахъ, на примѣръ на Кіевскомъ съѣздѣ ⁸⁾, который я называю, среди массы другихъ, потому, что на немъ присутствовали и дѣлали доклады нѣкоторые изъ весьма извѣстныхъ лѣсоводовъ. Наконецъ, въ Финляндіи, съ 1879 года, ежегодно собираются мѣстные съѣзды лѣсныхъ хозяевъ. Замѣчу еще, что съѣзды казенныхъ лѣсничихъ Таврической и Екатеринославской губ. занимались не столько разсмотрѣніемъ административныхъ вопросовъ, сколько вопросовъ техники степного лѣсоразведенія.

Приведенныхъ справокъ достаточно, чтобы показать, что мѣстные лѣсные съѣзды въ Россіи не представляютъ чего-либо новаго, что они существовали до организациі всероссійскихъ и благополучно существуютъ до настоящаго времени. Теперь можно обратиться и къ общимъ вопросамъ.

Всѣ лѣсохозяйственные съѣзды можно раздѣлить, съ одной стороны, на общегосударственные, или даже международные, и областные; съ другой стороны — на общіе лѣсохозяйственные и на спеціальные. Первое раздѣленіе не исключаетъ возможности второго, такъ что подъ наиболѣе широкое понятіе о лѣсномъ съѣздѣ подойдутъ, на примѣръ, всѣ бывшіе доселѣ «всероссійскіе съѣзды», наиболѣе же узкому будутъ соотвѣтствовать, на примѣръ, съѣзды степ-

¹⁾ «Лѣсной Журналъ» 1875 г., кн. 5, стр. 122. ²⁾ «Лѣсной Журналъ» 1877 г., кн. 1, стр. 126. ³⁾ «Лѣсной Журналъ» 1877 г., кн. 1, стр. 129; 1881 г., стр. 45; 1883 г., стр. 533. ⁴⁾ «Лѣсной Журналъ» 1880 г., стр. 243; 1881 г., стр. 269; 1882 г., стр. 216. ⁵⁾ «Лѣсной Журналъ» 1880 г., стр. 178. ⁶⁾ «Лѣсной Журналъ» 1881 г., стр. 266. ⁷⁾ «Лѣсной Журналъ» 1873 г., кн. 1, стр. 85.

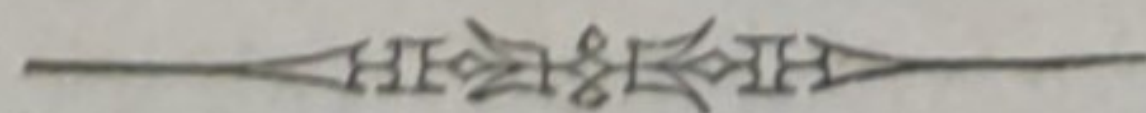
ныхъ лѣсоводовъ, созванные для разрѣшенія вопросовъ техники степного лѣсоразведенія. Для всякаго очевидно, что сѣзды перваго рода могутъ быть наиболѣе многочисленными, сѣзды же послѣдняго рода—наиболѣе плодотворными. Въ первомъ случаѣ всякое лицо, такъ или иначе причастное къ лѣсному дѣлу, можетъ явиться на сѣздъ, во второмъ же сходятся лишь лица, занимающіяся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, и разсуждаютъ о подробностяхъ техники этого дѣла.

Значеніе и цѣли общихъ сѣздовъ лучше всего опредѣляются первымъ § Положенія о Собраніяхъ германскихъ лѣсоводовъ: «Цѣль Собранія составляетъ содѣйствіе личному знакомству между членами, предоставленіе возможности словеснаго обмѣна взглядовъ и свѣдѣній изъ области лѣсной науки и лѣсного хозяйства, такъ же какъ и выраженіе мнѣній членовъ по вопросамъ лѣсного законодательства и управленія». Положеніе о сѣздахъ германскихъ лѣсоводовъ, изъ котораго я привелъ этотъ параграфъ, составлено въ 1884 году и имъ руководствуются ежегодно собирающіеся сѣзды. Кромѣ этихъ общегерманскихъ сѣздовъ, въ каждой мѣстности Германіи, даже сравнительно небольшой, собираются ежегодно, или даже 2 раза въ годъ, мѣстные сѣзды, программа которыхъ представляется нѣсколько болѣе обширной, такъ какъ, кромѣ личнаго знакомства между членами и разсмотрѣнія общезаконодательныхъ или административныхъ вопросовъ, здѣсь постоянно обсуждаются и вопросы лѣсной техники въ примѣненіи ея къ особенностямъ данной, тѣсно ограниченной мѣстности. У насъ понятію о такихъ мѣстныхъ сѣздахъ удовлетворяетъ программа Общества прибалтійскихъ лѣсоводовъ, выраженная въ Уставѣ этого Общества, утвержденномъ Министеромъ Государственныхъ Имуществъ 30 октября 1867 года. Параграфъ 1-й Устава этого Общества объясняетъ, что: «цѣль Общества заключается, главнымъ образомъ, въ введеніи вообще возможно рациональнаго лѣсного хозяйства въ прибалтійскихъ губерніяхъ Россіи; Общество собирается ежегодно для совѣщанія относительно введенія полезныхъ и необходимыхъ улучшеній въ лѣсномъ хозяйствѣ и сверхъ того старается вліять какъ на улучшеніе не вполне благопріятныхъ, для развитія лѣсного хозяйства, обстоятельствъ, такъ и на устраненіе такихъ, которыя задерживаютъ развитіе его». Здѣсь должно оговориться, что понятіе о прибалтійскомъ Обществѣ лѣсного хозяйства не вполне соответствуетъ тому, которое у насъ выработалось о лѣсныхъ обществахъ вообще. Прибалтійскіе лѣсоводы, состоящіе членами Общества, сѣзжаются ежегодно въ томъ или иномъ пунктѣ для того, чтобы обсуждать совмѣстно различные вопросы лѣсного хозяйства. Ихъ собранія, поэтому, гораздо

съ большимъ правомъ могутъ быть названы съѣздами, нежели собраніями въ томъ смыслѣ, какъ понимается это послѣднее выраженіе, когда рѣчь идетъ о Московскомъ или Петербургскомъ Лѣсномъ Обществѣ.

Такой же точно характеръ носятъ мѣстныя лѣсныя Общества Западной Европы, такъ что наши Общества — Петербургское и Московское, — представляются совершенно оригинальными по своей организаціи и болѣе напоминаютъ различныя техническія и ученныя Общества, нежели Общества лѣсныхъ хозяевъ Западной Европы. Каждое изъ существующихъ у насъ Обществъ занимается вопросами, интересующими лѣсныхъ хозяевъ всей Россіи, но можетъ разрѣшать эти вопросы лишь при участіи лицъ, проживающихъ въ томъ городѣ, гдѣ происходитъ собраніе Общества, или же при случайномъ присутствіи немногихъ иногороднихъ членовъ; слѣдовательно, обмѣнъ мнѣній въ засѣданіяхъ нашихъ Обществъ, сравнительно съ мѣстными германскими или съ прибалтійскимъ, не можетъ отличаться особымъ оживленіемъ и приводить къ заключеніямъ, представляющимъ интересъ для практики лѣснаго хозяйства. Поэтому отчеты о засѣданіяхъ нашихъ Обществъ, не смотря на высокій интересъ многихъ читателей на нихъ сообщеній, не могутъ быть сравниваемы безъ натяжки съ отчетами о засѣданіяхъ иностранныхъ лѣсныхъ Обществъ. Что касается до нашихъ съѣздовъ, то они, предоставленные самимъ себѣ, собирающіеся черезъ значительные промежутки времени, и тратящіе свое время на обсужденіе такихъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ заинтересовано едва 10% присутствующихъ лицъ, — также уступаютъ съѣздамъ лѣсныхъ хозяевъ нашихъ окраинъ или западной Европы. Можно пожелать, чтобы у насъ въ концѣ концовъ собирались бы отдѣльныя мѣстныя съѣзды Лѣсныхъ хозяевъ, которые могутъ поглотить съ большимъ успѣхомъ ту массу сообщеній, которыя дѣлаются на собраніяхъ Московскаго и Петербургскаго Лѣсныхъ Обществъ передъ ничтожнымъ, сравнительно, числомъ слушателей и которыя принесутъ, несомнѣнно, гораздо болѣе пользы технику лѣснаго хозяйства, нежели всероссійскіе съѣзды, которые, подобно общегерманскимъ, не могутъ заниматься разсмотрѣніемъ техническихъ вопросовъ, а должны ограничиться содѣйствіемъ личному знакомству между членами, и, пожалуй, обсужденіемъ общедминистративныхъ и законодательныхъ вопросовъ.

В. Добровлянскій.

МѢСТНЫЯ СООБЩЕНІЯ.

Изъ Макарьева на Унжѣ, Костр. губ. (*Лѣсная торговля*). Съ весны нынѣшняго года на Унжѣ какъ-то сразу стали сознавать, что лѣсное дѣло стало измѣняться къ лучшему и принимать другой оборотъ. Въ общемъ, при внимательномъ наблюденіи, не трудно было предвидѣть этотъ оборотъ, возвышающій цѣнность дачъ и лѣса. Губительныя вырубкі лѣса безъ всякой системы и порядка, заготовка его, при сплавѣ на лѣсныя ярмарки, превышающая спросъ, послужили, съ одной стороны, къ положительному уменьшенію хорошихъ лѣсовъ въ частныхъ дачахъ, съ другой—нормировалась его выработка и заготовка, соотвѣтствующая дѣйствительному спросу. Не далѣе, какъ въ навигацію третьяго года, на лѣсномъ рынкѣ въ г. Макарьевѣ, не знали, что и дѣлать съ лѣсомъ; остатки его продавались за безцѣнокъ, да и то не находились покупатели. Лѣсная ярмарка нынѣшней весенней навигаціи тоже отчасти началась неблагопріятно: продавцы, по примѣру прошлаго года, боясь потерять первыя цѣны, старались продавать лѣсъ безъ задержки, и только къ срединѣ ярмарки цѣны вдругъ измѣнились, въ наличности лѣсу оказалось ограниченное количество и цѣны сразу увеличились болѣе, чѣмъ вдвое, преимущественно на крупный лѣсъ. Мѣстнымъ лѣсопромышленникамъ, ведущимъ еще дѣло по рутинѣ, конечно, трудно было это предвидѣть; но покупатели знали заранѣе, что требованіе шпалъ на строящуюся Казанско-Рязанскую жел. дорогу, а также и на другія,—было еще до начала навигаціи; затѣмъ, въ ближнихъ мѣстахъ постройки судовъ, а также на лѣсныхъ дворахъ волжскаго района, истоцился солидный запасъ заготовленнаго лѣса.

Не болѣе, какъ съ годъ, поселился у насъ на Унжѣ извѣстный крупный лѣсопромышленникъ Брантъ, пріобрѣтя одну изъ крупныхъ на Унжѣ лѣсныхъ дачъ (Гумилина) въ 60.000 десят. Затѣмъ, имъ же на устьѣ рѣки Унжи, близъ Юрьевца на Волгѣ, предпринимается, близкая къ осуществленію, постройка громаднаго лѣсопильнаго завода съ исключительною цѣлью раздѣлки лѣса на разные сортименты для непосредственной отправки за границу въ Германію и Англію. Подобная же лѣсопилка, находящаяся въ Вышнемъ-Волочкѣ (Тверск. губ.), почти прекращаетъ свою дѣятельность за недостаткомъ мѣстнаго лѣса, такъ

какъ въ теченіи 7—8 лѣтъ лѣсистыя площади Валдайскаго, Старицкаго и части В.-Волоцкаго уѣздовъ оказались вышленными Брантомъ.

Выработка по Унжѣ крупныхъ лѣсовъ производится исключительно изъ казенныхъ дачъ. Торги на сдачу лѣсовъ бывають передъ началомъ зимней операціи въ сентябрѣ и октябрѣ. Лучшими и крупными лѣсами по качеству славятся лѣса Никольскаго лѣсничества (Волог. губ.) въ мѣстностяхъ прилегающихъ притоковъ къ рѣкѣ Унжѣ; также немало находится хорошаго сосноваго лѣса въ Шартановской дачѣ (площадь 80.000 дес.), Кологривскаго лѣсничества (Костр. губ.) по верхьямъ рѣки Унжи. Крупные лѣса частныхъ владѣльцевъ, за безпощадною ихъ вырубкою, считаются почти рѣдкостью. Если указать на лѣсовладѣльцевъ: Панова, Сергѣева, Степанова, Сушкина, Бугрова, Лугинина, Звонова и вновь явившагося Бранта, то этимъ исчерпывается списокъ всѣхъ владѣльцевъ по Унжѣ; а въ недавнее время, въ какія-нибудь 7—9 лѣтъ назадъ, крупныхъ лѣсовладѣльцевъ можно было считать десятками. Въ настоящее время, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были еще недавно прекрасныя дачи со строевымъ лѣсомъ, теперь торчатъ одни голые пни, и если гдѣ сохранились лѣсныя дачи,—то уже вдали, въ значительномъ разстояніи отъ сплавной рѣки Унжи. Вообще, на р. Унжѣ споконъ-вѣку лѣсное дѣло велось и теперь ведется безъ всякой системы и порядка. Единственная задача каждаго лѣсовладѣльца—извлечь изъ дачи посредствомъ вырубki возможное количество болѣшей выручки. На уцѣлѣвшій въ дачѣ лѣсъ коммерсантъ-лѣсопромышленникъ смотритъ исключительно съ точки зрѣнія остающихся на корню рублей и полтинниковъ. Въ данномъ случаѣ, отсутствіе какой бы то ни было заводской или фабричной промышленности оставляетъ лѣсной промыселъ единственнымъ источникомъ богатства рѣки и экономического благосостоянія населенія.

Правильный оборотъ рубки только и существуетъ въ казенномъ лѣсномъ хозяйствѣ, при системѣ выборки извѣстныхъ сортиментовъ лѣса и точно опредѣленной мѣры.

Казенные лѣсные торги въ разныхъ лѣсничествахъ по р. Унжѣ прошли нынче съ громадными наддачами. Въ этомъ случаѣ къ мѣстнымъ лѣсоторговцамъ, конкурировавшимъ между собою, явились еще не имѣвшіеся въ виду конкуренты, довѣренныя означенныя Бранта. На торгахъ въ 1-мъ Кологривскомъ лѣсничествѣ 2 октября предъявленное количество лѣса (18.000) ушло въ среднемъ съ надбавками 1 р. 15 к.—1 р. 25 к. на дерево, сверхъ таксовой стоимости; были наддачи, въ особенности на сосновый крупный лѣсъ, до 2 р. 65 к. на дерево. Во 2-мъ Кологривскомъ лѣсничествѣ при Потрусовскомъ волостномъ правленіи 11 октября, смѣтное количество лѣса (около 22.000) продано съ наддачею въ среднемъ выше 1 руб. на дерево; такія же наддачи были и въ Солигаличскомъ лѣсничествѣ при сдачѣ лѣса около 7.000 деревьевъ. Съ одинаковыми наддачами прошелъ казенный лѣсъ и въ Ма-

карьевскомъ лѣсничествѣ въ количествѣ 12.400 деревъ. Въ Никольскомъ лѣсничествѣ (Вологодской губ.) все смѣтное назначеніе въ количествѣ 35.000 деревъ, не смотря на возвышенную противъ прошлогодней таксу, также прошло съ наддочками отъ 80 к. до 1 р. на дерево. Мѣстные лѣсопромышленники давно не помнятъ такихъ наддочъ; обыкновенно, на самый лучшій лѣсъ въ извѣстныхъ мѣстахъ наддочка не превышала 70—80 коп. на дерево, что считалось уже выходящимъ изъ нормы, а остальной лѣсъ уходилъ съ ничтожными надбавками нѣсколькихъ копеекъ на дерево; кромѣ того, часто случалось, что на первыхъ торгахъ всего назначеннаго по смѣтѣ количества не могли продать за недостаткомъ желающихъ и онъ оставался до будущихъ торговъ. Большая часть взятаго лѣса изъ костромскихъ казенныхъ дачъ, изъ означенныхъ выше лѣсничествъ, за исключеніемъ Никольской, попала въ руки лѣсопромышленника Бранта. Какъ взятое имъ съ торговъ количество казеннаго лѣса, такъ и все поряженное изъ своей дачи пойдетъ исключительно на раздѣлку для сплава за границу; слѣдовательно, громадное количество такой партіи будетъ изъято съ мѣстнаго лѣснаго рынка и не сдѣлаетъ конкуренціи прочему лѣсу.

Не трудно заключить, что для будущей навигаціи, для остального вырабатываемаго по Унжѣ лѣса, открываются хорошіе виды сбыта на лѣсномъ рынкѣ, а имѣя въ виду наличную видимость его требованія на низовья лѣсныхъ пристани, а также на огромный заказъ шпалъ для строящихся желѣзныхъ дорогъ, можно съ увѣренностью предсказать, что лѣсное дѣло по Унжѣ приметъ счастливый оборотъ.

А. Богдановъ.

Изъ Буковины (*Лѣсная торговля*). О лѣсной торговлѣ Буковины россійскій консулъ сообщаетъ слѣдующее. Тому назадъ сто лѣтъ съ небольшимъ лѣсъ покрывалъ на половину всю мѣстность, извѣстную нынѣ подъ названіемъ Буковинскаго герцогства, отъ Днѣстра до границы Семиградскаго княжества (Трансильванія) и занимающую 1.045.156 гектаровъ; изъ нихъ до 525.000 было подъ лѣсомъ. И теперь еще лѣсная площадь Буковины составляетъ 43,1% всего пространства области и на 9.227.450 гектаровъ лѣса, числящихся во всей Австрійской Имперіи, 451.195 гектаровъ приходятся на одну Буковину, т.-е., приблизительно 5%. Изъ 451.195 гектаровъ лѣса 229.094, т.-е. 48,50%, принадлежатъ православной церкви, 61.045, т.-е. 14,75%, сельскимъ обществамъ и 161.056, т.-е. 36,75%, частнымъ лицамъ. Лѣса православной церкви въ Буковинѣ, причисленные къ государственнымъ имуществамъ, составляютъ четвертую часть всѣхъ казенныхъ лѣсовъ Австріи. Изъ 451.195 гектаровъ лѣса 118.542 принадлежатъ къ лиственнымъ породамъ и 332.653 къ хвойнымъ. Лѣса перваго рода состоятъ изъ дуба и бука и растутъ исключительно въ равнинѣ и у подножія горъ. Дубовые лѣса покрывали всю сѣверовосточную часть страны, но теперь дубъ остался почти исключительно въ лѣсахъ православной церкви, въ которыхъ можно еще насчитать, приблизительно, до 100.000 деревьевъ, годныхъ

къ рубкѣ на желѣзнодорожныя шпалы. Буковые лѣса встрѣчаются больше въ центрѣ герцогства. Въ Карпатскихъ горахъ и ихъ отрогахъ на западной части области произрастаютъ хвойныя лѣса, въ особенности пихтовые и еловые. Изъ 451.195 гектаровъ 440.168 составляютъ крупный лѣсъ—отъ 80 до 120 лѣтъ, 8.000 средній—отъ 40 до 80 и 3.017 мелкій отъ 1 до 40 лѣтъ. Лѣса, годнаго къ рубкѣ, 270.717 гектаровъ (60%) и 180.478 гектаровъ молодняка. Ежегодный приростъ въ Буковинѣ равенъ 1.720.000 куб. метр. или 3,63 куб. метр. на гектаръ, тогда какъ въ Австріи приростъ не превышаетъ 3 куб. метр. на гектаръ. Изъ общаго количества лѣса, добываемаго въ Буковинѣ, 60% относятся къ строевому и только 40% предназначены на топливо, тогда какъ въ другихъ областяхъ Австріи строевой лѣсъ составляетъ лишь 8% всего количества. Какъ уже сказано выше, хвойныя деревья преобладаютъ надъ лиственными и покрываютъ большую часть горъ, на сѣверномъ и западномъ склонѣ которыхъ чаще встрѣчается пихтовый лѣсъ, который здѣсь плотнѣе того, который растетъ на южномъ и юго-восточномъ склонѣ горъ; растетъ медленнѣе и прямѣе послѣдняго, гибокъ и крѣпокъ, менѣе подверженъ дѣйствию погоды и не сучковатъ до самой верхушки. Этими качествами онъ отличается отъ пихтоваго лѣса, растущаго въ Румыніи, на южномъ и юго-восточномъ склонахъ Карпатскихъ горъ. Въ Буковинѣ болѣе пихтоваго лѣса, чѣмъ еловаго, первый гораздо легче второго, крупнѣе его и менѣе сучковатъ; онъ скорѣе сохнетъ, не рвется и потому пригоденъ для тонкихъ столярныхъ издѣлій и для выдѣлки резонансовыхъ досокъ. Еловый лѣсъ тяжелѣе пихтоваго, сучковатѣе его, труднѣе сохнетъ, легче рвется и даетъ трещины. Онъ менѣе пригоденъ для столярныхъ издѣлій и употребляется только на грубыя работы. Ель бываетъ бѣлая и красная.

Въ Буковинѣ строевой лѣсъ заготавливается въ два срока: во-первыхъ, весною, когда кора отпадаетъ съ дерева, до 15 іюня, а въ горахъ до конца іюня; лѣсъ, заготовленный въ эту пору, называется «лупеннымъ»; и, во-вторыхъ, зимою, начиная съ 1 ноября, когда кору снимаютъ топоромъ, такой лѣсъ называется «короватымъ». Дрова для топлива заготавливаются съ 1 октября по 1 апрѣля. Продажа лѣса производится: 1) подесятинно, для сруба въ теченіе извѣстнаго срока; 2) на корню поштучно; 3) на мѣстѣ, уже въ заготовленномъ видѣ и въ кубической мѣрѣ; 4) съ доставкой готоваго лѣса до берега рѣки, по которой онъ подлежитъ сплаву или на извѣстную станцію желѣзной дороги. Обыкновенно продажа лѣса производится на корню: покупатель обязанъ срубить, заготовить и вывезти лѣсъ, количество котораго исчисляется въ кубической мѣрѣ по опредѣленнымъ цѣнамъ. На лѣсѣ существуютъ среднія цѣны: за одинъ куб. метръ лѣса для топлива: еловаго и пихтоваго 40 крейц., дубоваго 1 гульд., буковаго 1 гульд. 50 кр. За одинъ куб. метръ строеваго лѣса: еловаго и пихтоваго 1 гульд. 50 крейц., дубоваго 6 гульд., буковаго 3 гульд. Цѣны эти опредѣлены

для лѣса на мѣстѣ и на корню. Онѣ зависятъ для строеваго лѣса отъ его толщины и длины, для дровъ отъ ихъ рода и качества. На дубовой церкви нынѣ существуютъ слѣдующія цѣны, съ которыхъ начинается торгъ: на дерево отъ 50 сант. въ окружности 4 гульд. 20 крейц.; отъ 30 до 50 с. 3 гульд. 90 крейц.; до 30 с. 3 гульд. 60 крейц.; цѣны дошли на послѣднихъ торгахъ, бывшихъ въ прошломъ году, на дерево 1 рода до 7 гульд. 5 крейц., 2 рода до 6 гульд. 14 крейц. и 3 рода до 5 гульд. 50 крейц.

Для разработки лѣсного матеріала существуютъ въ Буковинѣ 63 лѣсопильни, изъ коихъ 15 паровыхъ и 48 водяныхъ, представляющихъ силу въ 1.600 лошадей. На этихъ заводахъ работаютъ 50 сложныхъ пильныхъ станковъ и 200 простыхъ, имѣющихъ вмѣстѣ 800 прямыхъ и 40 круглыхъ пилъ. Ежегодно распиливается, среднимъ числомъ, до 200.000 деревьевъ. На всѣхъ лѣсопильняхъ работаетъ до 1.400 чело-вѣкъ, получающихъ, среднимъ числомъ, по одному гульдену въ день. Большинство лѣсопильень находится въ Кимполунгскомъ уѣздѣ, самомъ обширномъ въ Буковинѣ, такъ какъ онъ занимаетъ 22,36% всей площади области. Онъ лежитъ въ горахъ юго-западной части Буковины. Изъ всѣхъ уѣздовъ Буковины Кимполунгскій болѣе другихъ изобилуетъ лѣсами, которые покрываютъ 65,2% всего его пространства. Суще-ствующие въ Буковинѣ лѣсопильные заводы большею частью принадле-жатъ не владѣльцамъ лѣсныхъ пространствъ, а промышленникамъ, ко-торые скупаютъ лѣса на срубъ для ихъ разработки или у право-славнаго вѣдомства (Religionsfond), или у помѣщиковъ. Кромѣ того, существуетъ акціонерное общество для разработки лѣсного матеріала (Actiengesellschaft für Holzgewinnung und Dampfsägenbetrieb) съ капита-ломъ въ 8 милліоновъ гульденовъ, которое имѣетъ лѣсопильни при городѣ Черновцы, въ Сторожинецкомъ, Радовецкомъ и Кимполунгскомъ уѣздахъ Буковины, а также въ Галацѣ и въ двухъ другихъ пунктахъ Румыніи. Буковинскія лѣсопильныя общества въ теченіе 1891—92 года перерѣзали 188.205 куб. метр. лѣса въ круглякахъ, изъ котораго было приготовлено 100.621 куб. метр. лѣса разной подѣлки. На всѣхъ лѣсопильняхъ было продано 206.979 куб. метр. разнаго матеріала. Оптовые цѣны, суще-ствующія въ Черновицахъ на куб. метръ готоваго лѣсного матеріала, приблизительно, слѣдующія: 1 сорта отъ 12 гульд. 50 крейц. до 18 гульд., 2 сорта отъ 9 до 11 гульд., 3 сорта отъ 5 г. 50 кр. до 7 гульд. На этихъ лѣсопильняхъ обрабатывается исключительно лѣсъ хвойной породы, такъ какъ дубъ очищается отъ коры на мѣстѣ рубки и вывозится въ этомъ видѣ за границу, а букъ идетъ только на дрова и сбывается въ области и въ близлежащихъ къ ней мѣстностяхъ.

Лѣсной товаръ составляетъ главный предметъ заграничной торговли Буковины. Дубовый лѣсъ, какой имѣется, вывозится въ Германію на шпалы желѣзныхъ дорогъ, а прежде онъ шелъ въ Англію черезъ Га-

лацъ, но теперь, какъ уже выше сказано, дубовыхъ лѣсовъ почти совсѣмъ не осталось. Буковые дрова вывозятся въ самомъ ограниченномъ количествѣ въ Бессарабію для мѣстнаго потребленія. Такимъ образомъ преимущественно лѣсъ хвойной породы, а изъ него въ особенности пихтовый, составляетъ предметъ внѣшней торговли; причемъ вывозятся слѣдующіе сорта пихтоваго лѣса: строевой лѣсъ, длиною отъ 12 до 16 метровъ, толщиною отъ 20 до 26 сантиметровъ; длиною отъ 12 до 16 метр., толщиною отъ 16 до 21 сант. и длиною отъ 8 до 19 метр. и толщиною 8—9 сант.; кругляки отъ 6 до 8 метр. длины и 32 сант. толщины; драница отъ 0,79 до 1,05 метр. длины; доски длиною отъ 6 до 8 метр. и толщиною отъ 1,5 до 4 сант.; доски длиною отъ 6 до 8 метр. и толщиною отъ 5 до 8 сант. Этотъ лѣсной товаръ отправляется въ Румынію, а оттуда черезъ Галацъ на Востокъ и въ Западную Европу, а также къ намъ на Кавказъ; онъ же идетъ въ Россію черезъ новоселицкую и унгенскую таможи. Черезъ эти таможи прошло лѣса изъ Буковины въ Россію:

	Новоселицкая там.		Унгенская там.	
	Пуды.	Рубли.	Пуды.	Рубли.
1890.....	3.652.027	363.575	2.064.977	518.030
1891.....	3.572.961	480.723	1.870.509	457.502
1892.....	2.335.731	334.112	1.853.867	463.467

Но, кромѣ того, особый родъ лѣсного матеріала идетъ изъ Буковины черезъ Румынію въ Галацъ исключительно по желѣзной дорогѣ и перевозится изъ Галаца на пароходахъ на Кавказъ въ Батумъ, это—такъ называемыя *Batumbretter*—доски, заготовляемыя на здѣшнихъ лѣсопильняхъ изъ пихтоваго и еловаго лѣса, исключительно для отправки въ Батумъ; ими обшиваются жестяные ящики, въ которыхъ перевозится керосинъ моремъ. Эти доски бываютъ двухъ родовъ: однѣ, называемыя *Kopfstücke*, заготовляются толщиною въ 20 миллиметровъ, шириною въ 25 сантиметровъ и

	Метры.	Сантиметры.
Длиною	3	24
»	3	60
»	3	96
»	4	32
»	4	68
»	5	4

Другія, такъ называемыя *Leistenbretter*, заготовляются: толщиною въ 12 миллиметровъ и шириною въ 16, 18, 20 и 27 сантим. и

	Метры.	Сантиметры.
Длиною	3	12
»	3	64
»	4	16
»	4	68

Пихтовый лѣсъ, растущій въ горахъ Буковины, оказывается самымъ подходящимъ для выдѣлки вышеуказанныхъ досокъ, изъ кото-

рыхъ только 20% заготавливаются изъ еловаго лѣса. Ввозъ этихъ досокъ въ Россію не подлежитъ оплатѣ пошлиною въ теченіе 1892 года; согласно Высочайше утвержденному 29 декабря 1891 г. положенію Комитета Министровъ. Приказчики Ротшильда принимаютъ эти доски на одномъ изъ здѣшнихъ лѣсопильныхъ заводовъ, а именно на заводѣ Попера; лѣсопильни же акціонернаго общества ставятъ эти доски для Батума въ Галацъ. Въ прошломъ году было отправлено изъ Буковины въ Галацъ 5.000 вагоновъ этихъ досокъ съ назначеніемъ въ Батумъ; каждый вагонъ грузится 10 тоннами или 600 пуд. лѣса, содержащаго, круглымъ числомъ, отъ 15 до 22 кубич. метр. матеріала. Стоимость этихъ досокъ здѣсь на мѣстѣ равна 12 гульд. за куб. метръ, а каждый вагонъ, нагруженный этими досками, оцѣнивается на мѣстѣ въ 250 гульд. Экспортъ этихъ досокъ приноситъ австрійской торговлѣ ежегодно до 2 милл. рублей. Въ настоящемъ году ожидается уменьшеніе этого экспорта на 1.000 вагоновъ *).

Количество досокъ, отправляемыхъ изъ Буковины въ Батумъ черезъ Галацъ, можно опредѣлить отъ 2.500.000 до 3.000.000 пудовъ ежегодно, такъ что весь лѣсной экспортъ изъ Буковины въ Россію выразился въ 1891 г. до 8.000.000 пудовъ, въ 1892 г. до 7.000.000 пудовъ, а такъ какъ количество вывоза лѣсного матеріала изъ Австріи въ Россію равнялось въ 1891 г. 1.672.779 кв. или 10.036.664 пуда, а въ 1892 г. 1.660.071 кв. или 9.960.426 пуд., то участіе Буковины въ лѣсной торговлѣ съ Россіею является весьма значительнымъ, а именно: вывезенный изъ Буковины въ Россію лѣсъ въ 1891 г. составлялъ 77% всего лѣсного экспорта Австріи въ Россію, а въ 1892 г. 70%. Весь экспортъ Австріи въ Россію въ 1891 г. равнялся 2.727.838 кв. или 16.367.028 пуд., а въ 1892 г. 2.601.000 кв. или 15.606.000 пуд., изъ которыхъ на одинъ лѣсъ, вывезенный изъ Буковины, падаетъ въ 1891 г. 48%, а въ 1892 г. 44%.

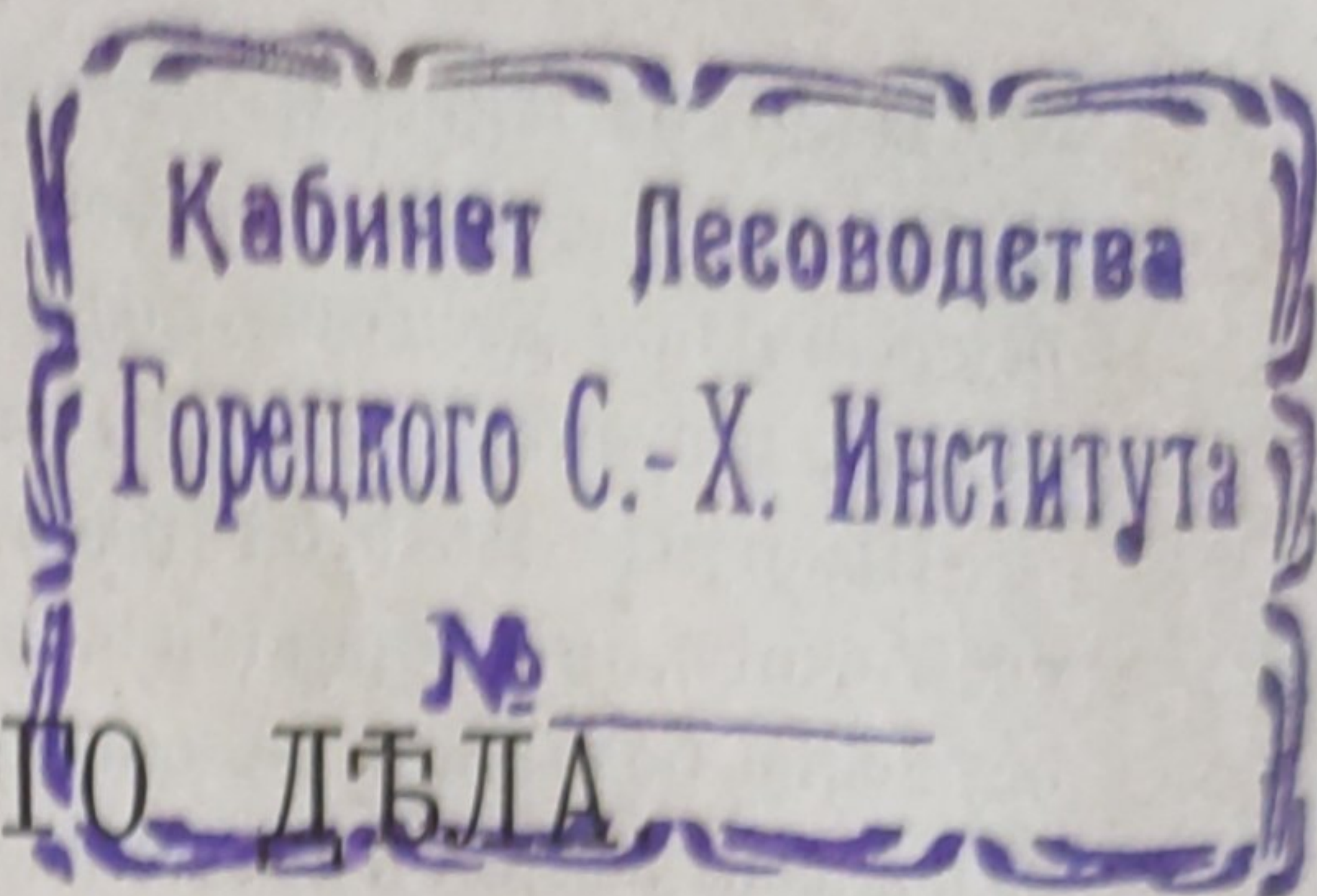
Для доставленія лѣса изъ Буковины за границу существуютъ два пути: одинъ по желѣзнымъ дорогамъ, другой сплавомъ по рѣкамъ Черемошъ, Быстрица и Прутъ—въ Дунай. По первому пути дубовый лѣсъ, направляемый въ Германію и Англію, идетъ вверхъ до р. Санъ, оттуда сплавомъ по рѣкамъ Сану и Вислѣ до Данцига. Лѣсъ, отправляемый на югъ по желѣзнодорожному пути, идетъ до станціи Ицканы по австрійскимъ дорогамъ, а затѣмъ оттуда до Галаца по румынскимъ. Перевозка лѣса отъ разныхъ станцій мѣстныхъ буковинскихъ желѣзныхъ дорогъ до Ицканы стоитъ отъ 13 до 36 кр. за 100 килограммовъ лѣса, смотря по разстоянію, а отъ Ицканъ до Галаца провозъ вагона, нагруженнаго 10.000 килогр. лѣса, стоитъ 137 франковъ, т.-е. 100 килогр. лѣса доставляются отъ разныхъ станцій Буковины до Галаца отъ 80 крейц. до 1 гульд. 5 крейц.

*) Въ виду обложенія этихъ досокъ пошлиною въ 6 коп. за пудъ, что составитъ на каждый ящикъ потери отъ $2\frac{1}{2}$ до $2\frac{3}{4}$ коп.

Для лѣса, направляемаго на югъ, существуетъ другой способъ доставки сплавомъ по рѣкамъ. Сплавъ начинается въ Буковинѣ въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля и продолжается до поздней осени, до замерзанія рѣкъ. Изъ Буковины лѣсъ сплавляется изъ южной ея части по р. Быстрицѣ, впадающей въ Сереть до Браилова и Галаца, изъ западной ея части по рѣкамъ Черемошъ и Прутъ до Унгенъ, Леова и далѣе по Пруту до Галаца. Главные пункты торговли лѣсомъ въ Россіи — Леово и Кишиневъ; въ Румыніи — Пятра и Галацъ, но лѣсные склады существуютъ по всей рѣкѣ Прутъ, въ Новоселицѣ, Липканахъ, Стефанешты, въ Унгенахъ и въ другихъ мѣстахъ, куда распределяются плоты. Въ Австріи по рѣкамъ Черемошъ и Прутъ занимаются сплавомъ преимущественно гуцулы; это руссины, живущіе въ горной части Буковины. Они сплавляютъ лѣсъ по р. Прутъ до Новоселицы, Липканъ и далѣе до Рени или Галаца, причемъ за сплавъ до этихъ пунктовъ они получаютъ, приблизительно, по 40 гульд. за плотъ, изъ которыхъ половина имъ уплачивается еще зимою или весною, а другая часть по доставкѣ плота на мѣсто назначенія. По р. Быстрицѣ лѣсъ сплавляется молдаванами изъ Буковины только до Пятры или до Броштени въ Румыніи, а оттуда исключительно румынскими рабочими. Каждый плотъ управляется двумя рабочими. Величина плота зависитъ отъ рода лѣса; строевой лѣсъ сплавляется въ 4 частяхъ, по 15 штукъ въ каждой, всего 60 штукъ, кругляки сплавляются въ пяти частяхъ по 16 штукъ въ каждой, всего 80 штукъ; тонкое дерево сплавляется въ 4 частяхъ по 50 штукъ въ каждой, всего 200 шт.; доски сплавляются въ 5—6 частяхъ, числомъ до 1.000 шт. Стоимость плота, приблизительно, слѣдующая: плотъ изъ строевого лѣса отъ 160 до 180 гульд., изъ кругляковъ или бревенъ отъ 230 до 250 гульд., изъ болѣе тонкихъ бревенъ отъ 160 до 180 гульд. и изъ досокъ отъ 500 до 580 гульденовъ. Стоимость плота увеличивается соотвѣтственно количеству таможенной пошлины, подлежащей уплатѣ по переходѣ плотомъ границы. Австрійскіе купцы, занимающіеся сплавомъ лѣса, продаютъ его въ кредитъ заграничнымъ торговцамъ въ Россіи или Румыніи и доставляютъ его имъ на плотахъ, покупатели высылаютъ имъ векселя въ счетъ покупной суммы. Банковыя учрежденія въ Буковинѣ не выдаютъ денегъ въ ссуду подъ лѣсъ, заготовленный для сплава.

На нужды мѣстнаго населенія потребляется букъ, идущій преимущественно на дрова и въ незначительномъ количествѣ на подѣлку мебели, сосна и ель, какъ лѣсной матеріалъ для построекъ; трудно опредѣлить количество строевого лѣса, потребляемаго населеніемъ на мѣстныя нужды, но оно должно быть значительно, такъ какъ деревянныя постройки области составляютъ около 80% всѣхъ построекъ, имѣющихся въ области, коихъ насчитывается до 125.000. Дровъ требуется, приблизительно, отъ 40 до 50 тыс. клафтеровъ (саженъ). («Вѣстн. Фин.»).

ХРОНИКА ЛѢСНОГО ДѢЛА

■ Въ настоящее время въ С.-Петербургѣ созвана, подъ председательствомъ г. Управляющаго Министерствомъ Государств. Имуществъ, комиссія изъ различныхъ чиновъ Министерства для разсмотрѣнія многихъ вопросовъ, касающихся организаціи и веденія хозяйства въ казенныхъ лѣсахъ.

■ Во вновь образуемомъ *Министерствѣ Земледѣлія*, при состоящемъ при немъ *Ученомъ Комитетѣ*, учреждаются особыя бюро, числомъ девять: по почвовѣдѣнію, агрономіи, ботаникѣ, зоологіи съ зоотехніей, бактериологіи, энтомологіи, метеорологіи, сельскохозяйственной механикѣ и лесоводству. Во главѣ каждаго бюро будетъ находиться специалистъ. Предварительное разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ будетъ производиться въ соответствующихъ бюро, а затѣмъ уже въ Ученомъ Комитетѣ, который будетъ раздѣленъ на два отдѣленія: 1) сельскохозяйственное и 2) лѣсное, въ кругъ дѣятельности котораго войдутъ: а) мѣры, относящіяся къ устройству и оцѣнкѣ казенныхъ лѣсовъ по отпуску ихъ, по производству лесотехническихъ и культурныхъ работъ, проекты обмѣна, приобрѣтенія въ казну и отчужденія лѣсного имущества; б) проекты уставовъ лѣсныхъ обществъ, съѣздовъ и лесопромышленныхъ товариществъ и ученые труды по лѣсной части. Кромѣ того, въ соединенномъ засѣданіи обоихъ отдѣленій Ученаго Комитета будутъ разсматриваться слѣдующіе вопросы: а) объ организаціи лѣсныхъ изслѣдованій, б) проекты положеній и уставовъ лѣсныхъ учебныхъ заведеній и программъ, в) общія мѣры по лесоразведенію, г) по предупрежденію и прекращенію поврежденій лѣсовъ огнемъ и насѣкомыми, д) по устройству защитныхъ лѣсовъ. Въ засѣданіяхъ Ученаго Комитета будутъ участвовать директора департаментовъ земледѣлія и лѣсного, управляющіе отдѣлами сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики и земельныхъ улучшеній, кромѣ того—директора лѣсного института, сельскохозяйственнаго музея, ботаническаго сада, инспектора по сельскохозяйственной и лѣсной частямъ, специалисты по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства. Для разсмотрѣнія мѣръ борьбы съ вредными животными и растительными паразитами будутъ приглашаться представители отъ Императорскаго института экспериментальной медицины.

*

■ 26 октября въ Петербургскомъ Собраніи сельскихъ хозяевъ Э. О. Антушевичъ сдѣлалъ сообщеніе о произведенномъ имъ *опытъ осушенія* 500 десятинъ *болота* въ своемъ имѣніи Новгородской губерніи, результатомъ чего на этомъ мѣстѣ явились прекрасные луга.

Приступая къ этой работѣ, докладчикъ рѣшилъ произвести ее на свой счетъ, не обращаясь ни къ правительству, ни къ экспедиціи по осушенію болотъ, и на опытѣ убѣдился, что осушка болота не требуетъ большихъ затратъ и специальныхъ познаній. На осушеніе всѣхъ 500 десятинъ онъ затратилъ 4.000 руб.; т.-е. по 8 руб. на десятину. Расходы эти могли быть доведены до 4—5 руб. за десятину, если бы докладчикъ обладалъ необходимою опытностью и знакомствомъ съ мѣстными условіями земляныхъ работъ.

Докладъ вызвалъ довольно оживленныя пренія; г. Кизерицкій обратилъ вниманіе на то, что, говоря объ осушкѣ болотъ, слѣдуетъ отличать настоящее болото отъ заболоченныхъ мѣстъ. Имѣніе докладчика принадлежитъ къ послѣднимъ, составляя часть бѣлогорскаго болота, занимающаго до 9.000 десятинъ земли, представлявшихъ до проведенія Николаевской желѣзной дороги сѣнокосы. Такія болота дѣйствительно нетрудно осушить, и это сопряжено съ незначительными затратами, чего, конечно, нельзя сказать относительно постоянныхъ болотъ. Ихъ осушеніе не подъ силу частнымъ лицамъ, могущимъ на тѣ деньги, которыя пришлось бы затратить для этого, купить наилучшую землю въ плодороднѣйшей части Россіи.

■ «Русск. Ж.» сѣтуетъ на *неполноту* нашего *лѣсоохранительнаго закона*, такъ какъ за опустошительныя рубки не полагается иного наказанія, кромѣ обязательнаго облѣсенія неправильно вырубленныхъ площадей. Утверждая, что для «естественнаго облѣсенія никакихъ хлопотъ со стороны лѣсовладѣльца, какъ уже видно по смыслу термина, не требуется, т.-е. для такого лѣсовозобновленія нужно только оставить вырубленную площадь такъ, какъ она есть, и преградить туда доступъ скота», авторъ статьи полагаетъ, что «лѣсовладѣлецъ, вырубивъ какую угодно площадь лѣса, ничѣмъ не наказуется, и пока выростетъ новый лѣсъ, что можетъ быть не ранѣе, какъ черезъ 40—60 лѣтъ, лѣсистая мѣстность будетъ представлять изъ себя пустырь».

Нельзя не признать такой взглядъ на легкость естественнаго возобновленія вырубокъ слишкомъ оптимистическимъ, по крайней мѣрѣ для большей части Россіи.

■ Г. Фокъ сообщаетъ въ «Лѣсн. Ж.» интересныя свѣдѣнія о *пространствѣ сыпучихъ песковъ* въ средней и южной полосѣ Россіи. Оказывается, что въ одной Астраханской губ. пески занимаютъ площадь въ 4 мил. дес., въ остальныхъ же губерніяхъ—лишь 524.295 дес.

По губерніямъ, не считая Астраханской, наибольшая относительная площадь песковъ оказывается въ Харьковской (1,69%) и въ Чернигов-

ской (1,44%) губ. Изъ уѣздовъ выдѣляются: Чигиринскій, Кіевской губ. (6,67%), и Днѣпровскій, Таврической губ. (6,0%).

■ Съ наступленіемъ зимы отовсюду слышатся жалобы на *дороговизну дровъ* и въ нѣкоторыхъ городахъ принимаются различныя мѣры къ разрѣшенію этого насущнаго вопроса въ благопріятномъ для большинства обывателей смыслѣ. Начнемъ обзоръ съ *Петербурга*: здѣсь, по словамъ «Пет. Л.», «страдаютъ отъ дороговизны дровъ не только тѣ изъ столичныхъ обывателей, которые нанимали квартиры безъ дровъ, но и тѣ, которые раньше пользовались квартирами съ дровами отъ домохозяевъ, такъ какъ многіе столичные домохозяева перестали сдавать квартиры съ дровами, предлагая своимъ жильцамъ пріобрѣтать у нихъ же дрова по дорогой цѣнѣ—по 65 коп. за вязанку, которыхъ изъ сажени выгоняютъ до двѣнадцати, такъ что такая сажень дровъ, и то очень плохихъ, обходится жильцу у такихъ предприимчивыхъ домохозяевъ въ 7 руб. 80 коп.

Правда, такіе домохозяева не стѣсняютъ своихъ жильцовъ и предоставляютъ имъ право покупать дрова на сторонѣ. Но спрашивается, кто изъ этихъ жильцовъ и гдѣ можетъ купить дрова дешевле, тѣмъ болѣе въ розницу?

Попробуйте купить дрова хотя бы прямо съ барокъ, стоящихъ на Фонтанкѣ,—и отскочите, какъ ужаленные, услыхавъ про цѣну дровъ.

Казалось бы, что съ барокъ можно купить дешевле, такъ какъ здѣсь покупка совершается изъ первыхъ рукъ. Но въ томъ-то и дѣло, что это только бы казалось.

По распоряженію г. с.-петербургскаго градоначальника, было образовано особое присутствіе, которому было поручено обсудить вопросъ объ улучшеніи надзора за барками съ дровами во внутреннихъ каналахъ и рѣкахъ, съ цѣлью выяснить мѣры къ удешевленію дровъ въ столицѣ.

Изъ собранныхъ этимъ особымъ присутствіемъ свѣдѣній выяснилось, что дѣло снабженія столицы дровами находится въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ торговыхъ фирмъ, которыя, ведя оптовую торговлю и занимаясь преимущественно поставкою дровъ въ казенныя и общественныя учрежденія, а также имѣя въ столицѣ свои дровяные склады, часть своего товара перепродаютъ мелкимъ лѣсопромышленникамъ цѣлыми барками, предоставляя такимъ образомъ имъ возможность вести розничную торговлю дровами съ купленныхъ барокъ, которыя преимущественно сосредоточиваются на Фонтанкѣ, благодаря ея центральному положенію и ея сравнительной ширинѣ.

Эти второстепенные торговцы, не располагающіе складами на берегу, продаютъ дрова прямо съ судовъ, такъ какъ при такой продажѣ они освобождаются и отъ расходовъ по выгрузкѣ, и отъ многихъ заботъ и хлопотъ.

Но въ то же время, не располагая опредѣленнымъ кругомъ покупателей и желая выждать хорошихъ цѣнъ, они стараются сохранить

мѣста за своими барками какъ можно долѣе противъ назначеннаго на выгрузку двѣнадцатидневнаго срока, замедляя всячески выгрузку и добиваясь, благодаря недостаточному надзору, возможности занимать своими барками отведенныя имъ мѣста значительно долѣе установленныхъ сроковъ.

Дѣлается это очень легко, потому что, хотя, при входѣ барки въ Фонтанку, выдается билетъ, но по содержанію билета нельзя съ точностью опредѣлить, къ какому онъ судну относится, въ силу чего, мѣняя билеты и предъявляя новые, хозяинъ дровъ на баркѣ получаетъ возможность продолжать стоянку на одномъ и томъ же мѣстѣ очень продолжительное время. Во избѣжаніе этого рѣшено установить такой порядокъ, чтобы разрѣшительные, на впускъ барокъ въ Фонтанку, билеты снабжались послѣдовательною нумераціею съ тѣмъ, чтобы номеръ билета проставлялся и на самомъ суднѣ. Крімъ того, будетъ вмѣнено мѣстной полиціи строго слѣдить за сроками, въ теченіе которыхъ должны быть разгружены барки съ дровами.

Это распоряженіе будетъ введено съ начала навигаціи будущаго 1894 года, и потому слѣдуетъ ожидать прямого вліянія на цѣны дровъ въ столицѣ только въ будущій зимній сезонъ. Но косвенно это распоряженіе должно повліять на цѣны топлива и въ нынѣшнюю зиму, потому что дровяники, запасшись теперь дровами и зная, что весною дрова будутъ дешевы, должны будутъ теперь же понизить нѣсколько цѣны, чтобы не оставить у себя на рукахъ большого запаса древеснаго топлива».

Одинъ изъ репортеровъ названной газеты совершилъ нѣсколько экскурсій по дровянымъ складамъ и дворамъ съ цѣлью выяснитъ изъ наблюденій и разговоровъ съ лѣсопромышленниками вопросъ о причинахъ чрезмѣрнаго вздорожанія дровъ въ столицѣ. Одинъ изъ болѣе ясныхъ и полныхъ отвѣтовъ былъ таковъ: «Причинъ много: во-первыхъ, благодаря морозамъ прошлой зимы, въ Петербургѣ сожгли всѣ запасы дровъ, образующіеся изъ остатковъ прежнихъ лѣтъ. Не говоря уже о дровяныхъ дворахъ, мнѣ извѣстно, что въ полкахъ, гдѣ экономіи отъ старыхъ годовъ находилось до 300 тысячъ сажень,—все до остатка сожгли за эту зиму. Затѣмъ, вѣдь вы знаете, что прошлая зима была замѣчательно снѣжная. Это много повредило вывозу на мѣстахъ заготовокъ. Лѣсъ вывезти къ рѣкамъ далеко не успѣли, а что и успѣли, то мы позаботились раскупить для зимней заготовки. Въ прошломъ году «водоплавныхъ» дровъ пришло что-то около 75 милліоновъ пудовъ (около 12 милл. саж., статистика привоза дровъ ведется на пуды), а нынче дай Богъ, чтобы побольше половины было». Упоминалось, конечно, о дороговизнѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, о плохихъ подъѣздныхъ путяхъ и т. п., а одинъ изъ крупныхъ лѣсоторговцевъ обвинилъ даже казенныя учрежденія за то, что они не сдѣлали лѣтомъ заготовокъ по дешевымъ цѣнамъ, а «выжидая пониженія цѣнъ, тянули дѣло и торговъ не утверждали». Относительно же вопроса о томъ, не принесетъ-ли пользы уста-

новленіе таксы на дрова, какъ было въ Петербургѣ съ 1847 по 1858 годъ, этотъ же лѣсопромышленникъ отвѣтилъ, что «обывателю не будетъ лучше отъ этого, а дровяникамъ такса можетъ оказать услугу на будущее время».

Въ заключеніе авторъ статьи рекомендуетъ обратить вниманіе на торфъ, которому, по его мнѣнію, предстоитъ въ недалекомъ будущемъ вытѣснить дрова изъ употребленія и тѣмъ способствовать сохраненію лѣсныхъ насажденій.

«Торфъ вполнѣ замѣняетъ собою каменный уголь, коксъ и дрова и можетъ быть примѣняемъ ко всякаго рода топкамъ: для плитъ, каминовъ, желѣзныхъ и изразцовыхъ печей, въ которыхъ нѣтъ рѣшетокъ. Торфъ горитъ яркимъ длиннымъ пламенемъ и сгораетъ до конца, оставляя лишь одинъ пепелъ. Для каждой топки обыкновенной средней печки достаточно $\frac{1}{4}$ пуда, а пудъ его стоитъ всего 20 к., слѣдовательно, за пять копѣекъ можно нагрѣть комнату до нормальной температуры (15 градусовъ). Торфъ даетъ весьма сильный жаръ и скоро сгораетъ, въ виду чего для продолжительной топки слѣдуетъ подкладывать его въ печь лишь малыми количествами. При умѣлой экономіи 50 пудовъ торфа по времени горѣнія и степени тепла равны минимумъ двумъ сажнямъ березовыхъ дровъ, что, при нынѣшней цѣнѣ послѣднихъ въ 7 руб. саж., составляетъ экономію въ 4 рубля; а въ отношеніи сосновыхъ дровъ эта экономія еще болѣе осязательна.

Необходимо, однако, указать и на существующія практическія неудобства при употребленіи торфянаго брикета.

Во-первыхъ, торфъ даетъ большую экономію при условіи малыхъ топокъ, на что слѣдуетъ обратить вниманіе; во-вторыхъ, торфъ даетъ сильный осадокъ сажи въ дымоходахъ; этотъ недостатокъ чисто техническій и потому, полагаемъ, легко устранимъ, а въ отношеніи топокъ передѣлка существующихъ большихъ на малыя также не составитъ большихъ затрудненій.

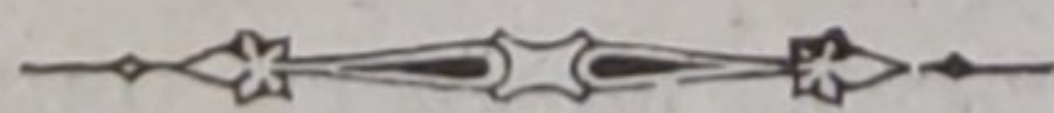
Этими данными мы хотимъ сказать одно, что торфъ, конкурируя съ дровами, можетъ быть лучшимъ регуляторомъ дровяныхъ цѣнъ.

■ Въ г. *Екатеринбургъ* существуетъ *городской лѣсной складъ*, объ операціяхъ котораго въ засѣданіи городской думы 18 октября былъ прочтенъ докладъ комиссіи, ревизовавшей отчеты управы по этому складу съ 1890 по 1893 г. «Учрежденіе городского лѣсного склада со- служило населенію огромную пользу въ тѣ тяжелые годы, когда, вслѣд- ствіе дороговизны фуража (овесъ доходилъ до 1 р. 30 к., а сѣно до 60 коп. за пудъ), цѣны на лѣсные матеріалы поднимались очень вы- соко, но населеніе могло покупать въ складѣ все-таки дешевле, чѣмъ у частныхъ подрядчиковъ; городской лѣсной складъ регулировалъ ры- ночныя цѣны на дрова и пр. матеріалы, не давая подрядчикамъ воз- можности еще болѣе возвысить цѣны на нихъ». Вышеуказанная дорого- визна фуража, однако, отразилась и на операціяхъ лѣсного склада:

такъ, въ цитируемомъ отчетѣ «Екатеринбургской недѣли» о засѣданіи городской думы читаемъ слѣдующее: «За подрядчикомъ по доставкѣ дровъ Безсоновымъ накопилось долгу 2.861 р. 85 к., происшедшаго отъ разницы цѣнъ на фуражъ, между той, при которой онъ соглашался производить доставку дровъ, и той, какая оказалась въ дѣйствительности. Комиссія полагаетъ этотъ долгъ съ Безсонова сложить. Дума постановила: отчеты утвердить и вышеозначенную недоимку съ Безсонова сложить».

■ Въ г. *Минскѣ*, по словамъ мѣстнаго «Листка», городской голова пригласилъ нѣкоторыхъ капиталистовъ и лѣсопромышленниковъ въ гор. управу на совѣщаніе о мѣрахъ къ *удешевленію дровъ*. Рѣшено было составить денежную складчину и произвести закупку значительной партіи дровъ для продажи ихъ въ городъ безъ барыша. Складчина дала 21.000 рублей.

■ Вопреки сообщенію г. Сырочинскаго, на кіевскомъ недавнемъ съѣздѣ, о благотворномъ *вліяніи развитія свеклосахарнаго производства на лѣсное хозяйство Юго-западнаго края* корреспондентъ «Варшавскаго Дневника» пишетъ изъ Подольской губерніи: «Вслѣдствіе истребленія лѣсовъ сахарными заводами, ухудшились и климатическія условія нашего края. До развитія свеклосахарной промышленности, Кіевская и Подольская губерніи изобиловали лѣсомъ, теперь же въ мѣстахъ расположенія сахарныхъ заводовъ можно встрѣтить только молодыя заросли. Необходимость защитить остатки лѣсовъ отъ полнаго истребленія ихъ сахарными заводами,—что могло бы быть достигнуто введеніемъ каменноугольнаго топлива,—и оградить землевладѣльцевъ отъ эксплуатаціи заводчиками,—вотъ тѣ вопросы, которые давно ждутъ своего разрѣшенія».

БИБЛІОГРАФІЯ.

✓ 1) Сельское и лѣсное хозяйство Россіи. Изданіе Департамента земледѣлія и сельск. промышленности М. Г. И. Спб. 1893. XXVI+647. Ц. 4 р.

2) Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи. Изданіе Департ. торговли и мануфактуръ Мин. Ф. Спб. 1893. 334+351 с. Ц. 4 р.

3) Сибирь и великая Сибирская желѣзная дорога. Изданіе Департ. торговли и мануфактур. Мин. Финанс. Спб. 1893. VIII+309 с. Ц. 2 р.

Книги, заглавія которыхъ только-что названы, изданы русскимъ правительствомъ по случаю всемірной Колумбовой выставки въ Чикаго и представляютъ рядъ характеристикъ различныхъ отраслей экономической жизни Россіи.

Первая книга посвящена сельскому и лѣсному хозяйству Россіи. Въ ней мы находимъ, прежде всего, дѣленіе Россіи на пятнадцать болѣе или менѣе естественныхъ областей, очеркъ климата и почвъ Европейской Россіи; затѣмъ, большая часть книги занята разсмотрѣніемъ различныхъ сторонъ земледѣльской промышленности, и только глава XV говоритъ о лѣсоводствѣ, лѣсотехническихъ производствахъ и лѣсной торговлѣ.

Этотъ краткій очеркъ русскаго лѣснаго хозяйства (с. 416—459) составленъ проф. А. Ф. Рудскимъ и Н. С. Шафрановымъ.

Въ немъ сначала указаны главнѣйшія древесныя породы русскихъ лѣсовъ и области распространенія каждой изъ нихъ; для уясненія же сравнительнаго хозяйственнаго значенія древесныхъ породъ приведены слѣдующія данныя объ отпускѣ растущаго лѣса въ 1891 г. изъ казенныхъ дачъ: на долю хвойныхъ породъ приходится 61% всего отпуска, и изъ этого количества 52% строевого лѣса; на долю же лиственныхъ 39%, и изъ этого количества 13% строевого лѣса. На первомъ мѣстѣ по хозяйственному значенію стоитъ сосна, отпускъ которой равняется 35% общаго отпуска, и изъ этого количества 58% приходится на строевой лѣсъ; для ели эти цифры будутъ 25% отпуска и 44% стр. л., для дуба—90% отп. и 27% стр. л., для березы—10% отп. и 6% стр. л. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ говорится о хозяйствѣ въ лѣсахъ. Здѣсь очень кратко очерчены нѣкоторыя характерныя особенности русскаго лѣснаго хозяйства, указано на работы по степному лѣсоразведенію, на облѣсеніе песковъ и на осушку болотъ;

кромѣ того, указаны главнѣйшія изъ ближайшихъ задачъ русскаго лѣсного хозяйства, какъ-то—«отысканіе пригодныхъ въ русской практикѣ способовъ предварительнаго обновленія посредствомъ постепенной рубки, которая тогда бы заняла мѣсто сплошной, опредѣленіе путемъ опыта наивыгоднѣйшей ширины лѣсосѣкъ и порядка примыканія ихъ другъ къ другу, введеніе промежуточныхъ рубокъ въ постоянный обиходъ лѣсного хозяйства, выработка прочно обоснованныхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ правилъ и заведеніе яснаго и точнаго техническаго счетоводства». Далѣе большой отдѣлъ посвященъ разсмотрѣнію лѣсистости Европейской Россіи и Кавказа. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе подробностей относительно распределенія губерній по областямъ и принятія тѣхъ или иныхъ количествъ лѣсовъ, остановимся на конечныхъ выводахъ, которые говорятъ, «что менѣе половины Россіи имѣетъ много лѣсовъ, $\frac{1}{5}$ областей слабѣе Германіи, $\frac{1}{5}$ —слабѣе Франціи, а $\frac{1}{3}$ пространства Россіи почти вовсе лишена лѣсной растительности». Что касается отношенія лѣсной площади къ плотности населенія, то «болѣе чѣмъ на половинное число жителей Россіи и нынѣ, при слабой населенности ея, приходится менѣе лѣсного пространства, чѣмъ въ Германіи, а одна пятая русскихъ имѣетъ его гораздо менѣе, чѣмъ Франція». Затронувъ вопросъ объ отношеніи лѣсной площади къ наличному населенію страны, естественно спросить себя также и о томъ—на сколько потребности страны удовлетворяются производительностью ея лѣсовъ? За неимѣніемъ точныхъ данныхъ, можно сказать, болѣе или менѣе предположительно, что все потребленіе древесины въ Россіи равняется 45 мил. куб. саж. въ годъ (кромѣ вывоза за границу) (стр. 438). Эта цифра слагается изъ слѣдующихъ частей: потребленіе древесины на механич. и химич. обработку и на судостроеніе 2 мил. к. с., на горный промыселъ 2,5 мил. к. с., на желѣзныя дороги 0,8 мил. к. с., на пароходы 0,3 мил. к. с., на фабрики и заводы 1,9 мил. к. с. и на разныя потребности населенія 37 мил. к. с. (или по $\frac{1}{3}$ куб. с. въ среднемъ на каждаго жителя Европ. Россіи). Если же, судя по отпускамъ изъ казенныхъ лѣсовъ, рассчитать по тому же масштабу годичный отпускъ изъ всѣхъ лѣсовъ Россіи, то окажется, что годичная производительность лѣсовъ Россіи=11,5 мил. к. с. (въ томъ числѣ изъ казенныхъ дачъ 4 м. к. с.), но эта цифра совсѣмъ не соотвѣтствуетъ выше выведенной цифрѣ потребленія лѣса, и для согласованія ихъ приходится предположить, «что въ очень многихъ частныхъ лѣсахъ ведутся рубки немѣрныя, захватывающія не только годичный приростъ, но и значительную часть основнаго фонда древесины». Отъ этого безотраднaго заключенія объ истощеніи частновладѣльческихъ русскихъ лѣсовъ, изложеніе переходитъ къ новому отдѣлу (с. 440—444), рассматривающему отношеніе государства къ частному лѣсовладѣнію, на сколько оно вытекаетъ изъ лѣсоохранительнаго закона и изъ мѣръ поощренія частнаго хозяйства. Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ, посвященный лѣсотехническимъ

производствамъ (стр. 444—458). Въ этомъ очеркѣ вкратцѣ дано понятіе о всѣхъ видахъ древообрабатывающей кустарной промышленности; къ приведеннымъ тамъ характеристикамъ можно прибавить слѣдующія данныя, помѣщенные ниже въ статьѣ г. Пономарева «О кустарной промышленности», и дающія понятія о размѣрахъ древообрабатывающей промышленности. По словамъ г. Пономарева экипажнымъ промысломъ занимается 20.000 дворовъ или семействъ, бондарнымъ—14.000, столярно-плотничнымъ—10.000, выдѣлкой мелкихъ деревянныхъ издѣлій—8.500, плетеніемъ—16.000, итого механической обработкой дерева занято 68.500 дворовъ; химической же обработкой дерева, т.-е. смолокурениемъ и дегтекурениемъ, занято 12.000 дворовъ, слѣдовательно, всего лѣсотехническими промыслами занято 80.500 дворовъ, или семей.

Далѣе (стр. 458—459) слѣдуютъ цифры, характеризующія виѣшнюю русскую торговлю лѣсомъ; оказывается, въ среднемъ за послѣдніе четыре года, что въ Россію ввозится ежегодно лѣсныхъ матеріаловъ на 5¹/₂ мил. р., а вывозится на 48 м. р. Послѣдняя глава (с. 459—465) въ лѣсномъ отдѣлѣ составлена г. Танфильевымъ и говоритъ о торфѣ и его разработкѣ, причемъ приведены характеристики двухъ распространенныхъ у насъ видовъ торфяниковъ—луговыхъ и боровыхъ.

Кромѣ разсмотрѣннаго, спеціально лѣсного отдѣла, читатель лѣсоводъ и въ другихъ отдѣлахъ натолкнется на любопытныя для него данныя. Такъ, изъ главы о тарифахъ на перевозку главнѣйшихъ грузовъ, мы узнаемъ, что общая сумма перевозокъ лѣсныхъ строительныхъ матеріаловъ по всей сѣти русскихъ жел. дорогъ въ 1890 г. равнялась 135,8 мил. пудовъ, общая же сумма перевозокъ лѣсныхъ грузовъ по всей сѣти водныхъ путей въ среднемъ за 1888—90 гг. равняется 698,7 мил. пуд. въ годъ. Важнѣйшими пунктами назначенія этихъ послѣднихъ грузовъ являются: Петербургъ—121 мил. пуд., Юрбургъ (на Нѣманѣ)—70,3 м. п., Рига—55,3 м. п., Царицынъ—24,6 м. п., Кіевъ—14,7 м. п., Вышній-Волочекъ—13,6 м. п., Екатеринославъ—12,2 м. п., Тверь—12 м. п., Астрахань—9,4, Казань—9,2, Херсонъ—8,7, Москва—8,4, Архангельскъ—8,2, Нижній-Новгородъ—7,1 мил. пудовъ. Въ главѣ о сельскохозяйственной и лѣсной производительности Туркестана (на стр. 615—617) находимъ нѣсколько словъ о среднеазіатскихъ лѣсахъ, раздѣленныхъ на четыре разряда: горныя лѣса, степныя заросли, береговыя заросли и искусственныя насажденія. Въ книгѣ имѣется особый отдѣлъ о Кавказѣ, но въ немъ, къ сожалѣнію, ничего не говорится объ интересныхъ лѣсахъ этого богатаго края. Для полноты картины было бы желательно имѣть тутъ же данныя о лѣсномъ хозяйствѣ Финляндіи, но и эти свѣдѣнія отсутствуютъ.

Разобравъ первую книгу, перейдемъ ко второй, посвященной *фабрично-заводской промышленности и торговлѣ Россіи*. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на интересное введеніе, написанное проф. Менделѣевымъ и содержащее общій обзоръ фабрично-заводской промышленности

и торговли Россіи; здѣсь же приведено дѣленіе Россіи на области по развитію промышленности, а самое развитіе весьма ясно охарактеризовано въ зависимости отъ новаго направленія экономической политики, покровительствующаго русской промышленности. Для лѣсовода интересно замѣтить (стр. 57), что фабричная и заводская производительность по обработкѣ дерева въ 1880 году оцѣнивалась въ 19 мил. р. (или 2,3% отъ общей промышленной производительности, выразившейся въ 848 мил. руб.), въ 1890 г. она оцѣнивалась въ 33,4 мил. руб. (т.-е. 3,1% отъ общей пром. производит., опредѣлявшейся въ 1.064 мил. р.); т.-е. за десять лѣтъ общая производительность возрасла на 25%, производительность же по обработкѣ дерева увеличилась на 75%. Отдѣлъ V (ст. 126—146) посвященъ обработкѣ дерева и составленъ инженеръ-технологомъ г. Прессомъ. Здѣсь прежде всего опять говорится о лѣсистости Россіи, опять приводятся данныя о лѣсной площади, данныя, отличныя отъ тѣхъ, которыя помѣщены въ книгѣ «Сельское и лѣсное хозяйство Россіи» и даже съ ними не сравнимыя, такъ какъ принята другая группировка губерній по областямъ. Затѣмъ, послѣ перечисленія породъ, произрастающихъ въ русскихъ лѣсахъ, и указанія на размѣръ ввоза и вывоза лѣсныхъ матеріаловъ, приводятся отрывочныя свѣдѣнія о древообрабатывающей фабрично-заводской промышленности. По свѣдѣніямъ, здѣсь приведеннымъ, оказывается, что развитіе данной отрасли промышленности можно представить слѣдующей таблицей, составленіе которой авторъ очерка предоставляетъ, однако, читателю.

	Число фабрикъ и заводовъ.	Сумма производства.	Число рабочихъ.	Средняя на 1 фабр. цѣн- ность произ- водства.	Среднее на 1 фабрику число рабочихъ.	Средняя на 1 рабочаго цѣн. производства.
Въ 1881 г..	795	19 м. р.	21.344	23.900 р.	26 р.	890 р.
» 1890 г..	1.400	28,2 » »	32.558	20.200 »	23 »	860 »

Изъ этихъ цифръ видно, что производительность древообрабатывающей промышленности возрасла за десять лѣтъ съ 19 милліон. до 28 мил. руб., что не согласно съ вышеприведенными данными проф. Менделѣева, который приводитъ соотвѣтственно 19 м. и 33,4 м. руб. Какія же цифры вѣрны? Что касается отдѣльныхъ отраслей древообрабатывающей промышленности, то наиболѣе развитымъ является лѣсопильное производство, на долю котораго приходится 76% общей древообрабатывающей производительности, затѣмъ слѣдуетъ мебельное и столярное производства—15%, производство токарное и разныхъ мелкихъ издѣлій изъ дерева—5%, рогожное производство—2% и производство древесной массы 2%. За истекшее десятилѣтіе особенно развилось производство древесной массы, число фабрикъ котораго увеличилось съ 3 до 19, а также производство токарное и разныхъ мелкихъ издѣлій, производительность котораго увеличилась болѣе чѣмъ въ три

раза; число же лѣсопильныхъ заведеній возрасло съ 516 до 631 съ производительностью въ 21,5 мил. руб. Интересно замѣтить, что тогда какъ производство лѣсопильныхъ заводовъ оцѣнивается въ $21\frac{1}{2}$ мил. руб., вывозъ за границу пильныхъ матеріаловъ достигаетъ до 40 м. р. въ годъ; отсюда ясно, что почти половина вывоза пильнаго матеріала и все потребление его внутри страны стоятъ въ фабричнаго производства и удовлетворяются ручной распиловкой.

Далѣе, въ нѣсколькихъ строкахъ говорится о деревообрабатывающей промышленности Финляндіи, но и эти немногія данныя несовсѣмъ сходятся съ цифрами, помѣщенными ниже въ отдѣлѣ о промышленности Вел. Княж. Финляндскаго (ст. 321), откуда мы видимъ, что въ 1890 г. въ Финляндіи было 341 лѣсопильныхъ заводовъ (увеличеніе за пятилѣтіе на 39%) съ 10.578 раб. (увел. 43%), съ производствомъ 312.506 стандартъ (увел. 41%), или 33.911.429 марокъ (увел. 45%).

Относительно потребления лѣса въ Финляндіи отмѣчено, что лѣсопильное производство въ послѣднее время стало потреблять лѣсъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ прежде: а именно, въ 1891 году на стандартъ досокъ приходилось 37 бревенъ, тогда какъ въ 1886 году только 31 бревно. Размѣры столярнаго производства въ Финляндіи опредѣляются въ 2.118.115 мар., производство же катушечныхъ фабрикъ равняется 536.000 мар.; уже изъ сложений трехъ вышеприведенныхъ цифръ окажется, что производство фабричной деревообрабатывающей промышленности въ Финляндіи оцѣнивается въ $36\frac{1}{2}$ мил. марокъ.

Возвращаясь къ статьѣ г. Пресса объ обработкѣ дерева, мы видимъ, что послѣ финляндской деревообрабатывающей промышленности слѣдуетъ изложеніе кустарной деревообрабатывающей промышленности, занимающее большую часть очерка (ст. 133—146). При чтеніи этой части очерка невольно кажется, что читаешь его уже не въ первый разъ: дѣйствительно, послѣдовательность и самое изложеніе совершенно тѣ же, что къ очеркѣ кустарной деревообрабатывающей промышленности, помѣщенномъ въ книгѣ «Сельское и лѣсное хозяйство Россіи» (ст. 944—458). При сличеніи этихъ двухъ очерковъ приходится обнаружить, что изложеніе г. Пресса почти тождественно съ изложеніемъ въ книгѣ «Сельское и лѣсное хозяйство Россіи» (ст. 444—458); эту тождественность можно прослѣдить не только страница за страницей, но въ большинствѣ случаевъ слово за словомъ, начиная сравненіе съ стр. 134 ст. Пресса съ стр. 446, с. 135 съ 447 и т. д. до конца (с. 145 съ 457). Нельзя удержаться, чтобы не привести въ подтвержденіе сказаннаго слѣдующую параллельную выписку:

«Статистика смолянаго производства весьма затруднительна; принимаютъ однако, что лѣса наши даютъ ежегодно около 4 мил. пудовъ дегтя чистаго и половинчатаго, около 2 мил. пудовъ смолы, 150 тыс. пудовъ вару и 60 тыс. пудовъ скипидару, на сумму, считая съ получаемымъ попутно

«Статистика смолянаго производства весьма затруднительна; принимаютъ однако, что лѣса даютъ ежегодно около 4 мил. пудовъ дегтя чистаго и половинчатаго, около 2 м. пудовъ смолы, 150 т. пудовъ вару и 60 т. пуд. скипидару, на сумму, считая съ получаемымъ попутно углемъ,

углемъ, не менѣе 8 мил. руб. Производство это потребляетъ ежегодно около 320.000 куб. саж. осмола, около 100.000 куб. с. дровъ и 2 мил. пудовъ березовой древесины, такъ что общее потребленіе древесины достигаетъ 600.000 куб. с., т.-е. годичнаго прироста, приблизительно, *полтора милліона десятинь лѣса*. (Прессъ, стр. 146).

не менѣе 8 мил. руб. Производство это потребляетъ ежегодно около 320.000 куб. с. осмола, около 100.000 к. с. дровъ и 2 мил. пуд. бересты, для полученія которой нужно 200.000 куб. с. березовой древесины, такъ что общее потребленіе древесины достигаетъ 600.000 куб. с., т.-е. годичнаго прироста приблизительно милліона десятинь лѣса». (Сельское и лѣсное хоз. Россіи, стр. 457—458).

Изъ всего сказаннаго достаточно ясно видно, каковъ очеркъ г. Пресса объ обработкѣ дерева, и кажется, что неудачнѣе этого очерка трудно себѣ что-либо представить. Если, прочитавъ статью г. Пресса, лѣсоводъ не броситъ книги «Фабрично-Заводская промышленность и торговля Россіи», то онъ будетъ вознагражденъ интересной для него и вообще хорошо составленной статьей инженеръ-технолога г. Гулишамбарова о потребленіи топлива для промышленныхъ цѣлей (ст. 253—273).

Оказывается, что въ 1890 году по всѣмъ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ было перевезено 151,5 мил. пудовъ дровъ, при чемъ треть ихъ направлялась въ Москву, которая потребляетъ въ годъ около 60 м. пудовъ дровъ; въ томъ же году водою перевезено 207,7 мил. пудовъ дровъ, изъ которыхъ на долю Петербурга приходится 81,4 мил. пудовъ.

Что касается потребленія дровъ (въ 1890 году) въ разныхъ отрасляхъ промышленности, то на счетъ этого имѣются слѣдующія данныя: потребленіе дровъ на горныхъ заводахъ (желѣзная, солевыв. и нефтедоб. пр.) равняется 924.890 куб. с. дровъ въ годъ, на прочихъ фабрикахъ и заводахъ 1.521.032 к. саж., причемъ дрова составляютъ здѣсь лишь 38% всего потребляемаго топлива, 40 же % приходится на долю каменнаго угля, 15% нефти и 5% торфа. Потребленіе дровъ желѣзными дорогами въ 1890 г. равнялось 604.536 к. с., причемъ и здѣсь на долю дровъ приходилось лишь 38,6% всего потребляемаго ж. д. топлива, 45,8%—каменнаго угля и 15,6%—нефти. Рѣчными пароходами въ 1890 году потреблено 223.469 к. с. дровъ, т.-е. 24,5% всего израсходованнаго ими топлива, 55,5% приходится на долю нефти и 20%—каменнаго угля. Всего въ 1890 году потреблено разными отраслями промышленности 3.273.927 куб. с. дровъ; если же выразить въ куб. саж. дровъ все потребляемое промышленностью топливо, т.-е. сдѣлать переводъ другихъ видовъ топлива въ дрова, то получится 8.440.386 куб. с. дровъ. Слѣдовательно, оказывается, что въ промышленности только $\frac{3}{8}$ всего потребляемаго топлива удовлетворяется дровами. Перелистывая далѣе разбираемую книгу, мы натолкнемся въ ней на множество весьма любопытныхъ данныхъ, которыя не представляютъ, однако, для лѣсовода непосредственнаго спеціальнаго интереса, а потому и не могутъ имѣть здѣсь мѣста.

Перейдемъ, наконецъ, къ третьей названной выше книгѣ: «Сибирь и

великая Сибирская желѣзная дорога». Здѣсь лѣсоводъ съ удовольствіемъ прочтетъ географическій очеркъ Сибири (ст. 26—101), въ которомъ почти на каждой страницѣ говорится о сибирскихъ лѣсахъ. Далѣе есть и отдѣльный очеркъ, посвященный «лѣснымъ богатствамъ Сибири» (ст. 138—144). Этотъ очеркъ, правда, весьма кратокъ, въ немъ лишь бѣгло охарактеризованы три рода лѣсовъ Сибири: 1) сѣверные, высокоствольные лѣса тайги, 2) березовые лѣса и 3) горные лѣса; впрочемъ, болѣе подробной характеристики сибирскихъ лѣсовъ и ждать трудно, такъ какъ изслѣдованіе ихъ еще и до сихъ поръ не начато. Государству принадлежитъ въ Западной Сибири 110 мил. десятинъ лѣсовъ, въ Восточной же Сибири площадь лѣсовъ еще неизвѣстна; доходъ отъ лѣсовъ въ Западной Сибири достигаетъ до 500.000 руб. въ годъ, въ Восточной же Сибири всѣмъ обывателямъ предоставлено свободное употребленіе государственныхъ лѣсовъ на всѣ ихъ надобности, исключая, впрочемъ, опредѣленный закономъ сборъ за пользованіе лѣсомъ для огнедѣйствующихъ заводовъ; интересно, что въ 1891 году со всѣхъ казенныхъ лѣсовъ Восточной Сибири было получено дохода 5.918 руб.

Заканчивая разсмотрѣніе отдѣловъ, относящихся до русскаго лѣсного хозяйства, въ разбираемыхъ нами книгахъ, нельзя не замѣтить, что лѣсному хозяйству отведено мало мѣста и мало вниманія сравнительно съ тѣмъ значеніемъ, которое оно имѣетъ въ экономической жизни Россіи. Поэтому-то нельзя смѣло рекомендовать названныхъ въ заголовкѣ книгъ вниманію специалистовъ лѣсоводовъ, хотя безъ малѣйшаго колебанія на нихъ должно быть обращено вниманіе всѣхъ интересующихся экономической жизнью Россіи и желающихъ въ краткомъ, сжатомъ изложеніи разносторонне ознакомиться съ ея современнымъ положеніемъ.

М. Орловъ.

Dr. J. F. Judeich und Dr. H. Nitsche. *Lehrbuch der Mitteleuropäischen Forstinsektenkunde*. Wien. 1893 г.

Весною текущаго года появилась въ свѣтъ первая половина третьей части этой работы, состоящая изъ описанія всего отряда перепончатокрылыхъ (Hymenoptera), а изъ бабочекъ (Lepidoptera) дневныхъ, бражниковъ, шелкопрядовъ и начала ночницъ. Первая общая часть этого сочиненія, представляющаго изъ себя посмертное, переработанное согласно современному состоянію лѣсоводственной зоологіи, какъ-бы восьмое изданіе «Die Waldverderber und ihre Feinde» Ратцебурга, вышла въ 1885 году; снабженная портретомъ и краткой біографіей безсмертнаго творца лѣсоводственной зоологіи — Юліуса Теодора Ратцебурга, тремя таблицами крашенныхъ рисунковъ полезныхъ и вредныхъ насекомыхъ и 106 рис. въ текстѣ, она состоитъ изъ семи главъ, трактующихъ о членистоногихъ вообще, о внѣшнемъ видѣ, внутреннемъ строеніи и размноженіи насекомыхъ, ихъ хозяйственномъ значеніи, вредѣ,

ими наносимомъ, и общихъ мѣрахъ, противъ нихъ принимаемыхъ, и наконецъ, о систематикѣ и введеніи въ прикладную энтомологію. Въ первой части 264 стр., стоитъ она 8 марокъ.

Вторая специальная часть (265—616 стр. IV — VI табл. крашен. рисунок. и 77 рис. въ текстѣ—10 марокъ), заключающая описанія насекомыхъ отрядовъ прямокрылыхъ (Orthoptera), сѣтчатокрылыхъ (Neuroptera) и жуковъ (Coleoptera), вышла въ свѣтъ въ 1889 году. Частному описанію вредныхъ насекомыхъ предшествуетъ характеристика соответствующаго отряда, семейства и даже рода; во многихъ случаяхъ помѣщены таблички, помогающія ориентироваться въ предѣлахъ той или другой систематической группы, иногда до рода включительно; разсмотрѣніе каждаго семейства заключается указаніями литературныхъ источниковъ. По такому-же плану составлена и первая половина третьей части (617—936 стр., 1 табл. краш. рис. и 84 рис. въ текстѣ, 10 мар.). параллельно съ замѣчательною содержательностью послѣднихъ. Годы выпуска отдѣльныхъ частей этого изданія уже ясно свидѣтельствуютъ о степени добросовѣстности авторовъ при выполненіи взятой на себя задачи и о массѣ труда, потраченнаго на изученіе литературы лѣсоводственной зоологіи, критическую оцѣнку и провѣрку отдѣльныхъ литературныхъ указаній. Дѣйствительно, содержаніе этихъ книжекъ, въ особенности специальныхъ частей, можетъ быть смѣло названо послѣднимъ словомъ лѣсоводственной зоологіи, и для всякаго, желающаго сколько-нибудь специально заняться изученіемъ этой отрасли зоологическаго ученія, *Lehrbuch der Mitteleuropäischen Forstinsektenkunde* неизбѣжно должна сдѣлаться необходимѣйшей настольной книгой.

А. Силантьевъ.

